

ДЖИНА ШЭЙ

Девушка
с пробегом

18+

Девушка с пробегом

Джина Шэй

Девушка с пробегом

«Автор»

2020

Шэй Д.

Девушка с пробегом / Д. Шэй — «Автор», 2020 — (Девушка с пробегом)

Это история про Золушку. Про Золушку, которая в какой-то момент, решила, что принцы — это слишком хлопотно. Что если одна художница примет для себя решение, что больше не будет искать в отношениях с мужчинах ничего серьезного? Будет бежать от идеи стать чьей-то женой так быстро, как не подобает приличной женщине. Определится для себя, что её дочь и любимое ремесло для неё ценнее, чем ободок на безымянном пальце. Что если один очаровательный кудрявый наглец не пожелает примириться с ее решением? Сможет ли он пробиться сквозь воздвигнутые бастионы её цинизма? И чего это ему будет стоить? Эта история — искрометно смешная, безбашенно дерзкая, а местами, до слез реалистичная. Остаться равнодушным просто невозможно! В книге присутствует упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

© Шэй Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1. О, мой бог	5
2. Куплю отворот, за любые деньги	9
3. Кровь от крови моей	14
4. Сны и яви	18
5. Упс...	22
6. Второй шанс	26
7. Руки в деле	30
8. Партия продолжается	34
9. Фигуры в игре	38
10. Гроссмейстер ставит шах	42
11. ...и мат	46
12. И ходит королева	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джина Шэй

Девушка с пробегом

1. О, мой бог

– Какие красивые у вас игры светотени, – улыбается мне красавчик с серо-зелеными очами, поворачиваясь от картины.

Светотени хороши? Ах, да, спасибо. Но неважно. Мальчик, повернись еще чуточку, твой профиль просто божественно будет смотреться в повороте на три четверти. Да-а-а, вот так, замри и не дыши, а я сбегая за мольбертом. Ладно, дыши, я пошутила, куда я не побегу, вот прямо сейчас я буду стоять здесь и любоваться

– А у вас красивые скулы, – я плачу комплиментом за комплимент, улыбкой за улыбкой.

Да-да, я сказала это вслух. Мне тридцать четыре, и это не тот возраст, когда переживаешь из-за того, что скажешь мужчине что-то неприличное. Я уже знаю – не скажешь вслух, что ты заинтересована, и мужчина пройдет мимо, не поймет, что ты хочешь, будет еще думать, гадать на тему того "да" или "нет".

– Да, – я говорю, – да.

Вот этому Аполлону в сером пиджачке и облегающих крепкие ягодицы черных брючках – да. И нет, мне не стыдно.

Эй, кто сказал "лярва", выведите эту старую закомплексованную мымру из зала! А вот не хрен завидовать, право слово. Да, да, я понимаю, боги не всем улыбаются, но, кажется, я совершенно не зря сделала эту укладку и надела эти дурацкие чулки под это дурацкое платье.

Нет, серьезно, у меня секса уже четыре месяца не было! Под руку подворачивались либо козлы, либо вообще не варианты. А тут он – дивное небритое видение ростом метр девяносто, с подтянутой фигуркой, весь такой на стиле, в синем галстучке в узкую полосочку, то и дело так сексуально ерошит свои живописные кудри – хоть сейчас бери и раздевай. Я уже час стою и общаюсь с посетителями выставки, кошусь на него уголком глаза, лелея надежду, что он подойдет и заговорит со мной. И боже, дождалась. Время брать быка за ... рога.

Итак, мы сказали свое слово, господа, открываем ставки: поймет ли мой Аполлон все правильно или нет? Сочтет ли он нужным обращать на это внимание или нет? Ну да, встречаются такие экземпляры, которым приходится говорить еще прямой. Не оставляют девушке никакого простора для недоговоренности.

О, стрельнул глазами в сторону правой руки. Умничка, все правильно понял. С трудом удерживаюсь, чтобы не улыбнуться и не пошевелить задорно пальчиками, свободными от таких неприятных штуквин, как обручальные кольца. Да, да, малыш, свободная касса. Уже пять лет свободная. Занимать будешь?

– Кажется, где-то там можно было найти воду, – задумчиво тянет он, склоняя голову набок. Да ладно. Да неужто? Давненько мужики не бросались на меня вот так прямо, не выходя из галереи.

Вода? В галерее? Ну не то чтобы её тут не было, кулер тут, конечно, есть, если поискать где-то рядом с гардеробом. Но кивает-то мой бог совершенно в другую сторону. А что у нас там? А там у нас темный пустой зал, который мне занять не дали. И в углу каморочка с железной дверью и бумажным листочком на ней.

Для персонала.

Эй, а я за персонал сойду? Аренду зала под аукцион я добросовестно оплатила. Ну, оплакала при этом кровавыми слезами тот счет, но он уже отбился, я уже в плюсе.

А теперь я же имею священное право спрятаться в темный уголок и осквернить его грязным коитусом, да? Надеюсь, там камер не стоит?

– Задница у тебя еще более прекрасная, чем светотень, – шепчет мне мой Аполлон, приобнимая меня за талию, когда мы уже подходим к этой дивной каморочке.

Мальчик мой, какой ты, однако, милый, наверное, мнишь себя сногшибательным мачо, да? Хотя ладно, ты хотя бы умудрился закончить предложение словом "светотень", у тебя есть надежда. У обычных-то "мачо" комплимент заканчивается примерно после слова "задница". И вместо «прекрасной» там обычно что-то матерное.

Вот серьезно, не понимаю этого. Может, кто-то и находит сексуальными матерящихся через слово мужиков, а для меня это что-то вроде антивообудина. Ну, вот в чем радость заниматься сексом с неандертальцем?

Самое матерное слово в моем лексиконе – слово «сука», и это отнюдь не комплимент. Так, например, «сука» у меня бывший муж. Да-да, муж. Нет, не кобель, а сука, поверьте, я точно знаю!

Ах, да, простите, я отвлеклась. Грешна, каюсь, от богов недолжно отвлекаться.

А он ведь бог, раздери черт на нем эту белую сорочку. Мускулистый мой Аполлон, чьим бицепсам позавидовали бы греческие атлеты. Если б дожили. С таким можно и в пыльной кладовке, не раздеваясь, даже не снимая трусов. Чтобы было, что вспоминать пару месяцев спустя.

Я ни черта не вижу. Мои глаза – это мои пальцы, уже нырнувшие ему под рубашку. И боже, да-а, там есть что пощупать, и от чего тактильно побалдеть. Твердый. Рельефный. Кубики даже считать не буду. Я и так знаю, что этот мальчик – мое совершенство, сбежавшее из сна. Не знаю, откуда он взялся, такой восхитительный.

Он такой горячий, что кажется перекаленным. Понятия не имею, почему на моей коже не остается ожогов от прикосновений к этому огненному богу, и почему я не таю, оставаясь на его коже капельками талой воды.

Когда он торопливо опускается передо мной на колени, я уже сомневаюсь что он Аполлон. Эрос, не иначе. Хотя, Аполлон тоже был такой герой-любовник, что многие боги завидовали его личной жизни.

Я предпочитаю не знать, во что уперлась правой ногой, когда отводила бедро в сторону, раскрываясь. Не хочу думать о такой банальщине, как ведра, а больше нечему водиться в каморке со швабрами. Хочу думать об этом проворном божественном языке, от которого так хорошо, что я тихонько постанываю, не заботясь о нечаянных слушателях. Подслушают и хайп с ним. Будут сплетни по всей галерее? Ну, решу проблему одним из двух способов: забить или сменить галерею. И пошли они все!

В конце концов, когда еще у меня будет возможность вот так вот – с богом, по сиюминутной прихоти?

– Ну, что, богиня, я тебя заслужил? – тоном казановы интересуется мой Аполлон, разлучая мой клитор со своим языком, а я люблю танцем желтых точек под сжатыми веками.

– Заслужил, – это не слово, это почти гимн. Гимн, воздающий честь этому дивному юноше с его восхитительным языком.

А все что дальше – это просто за гранью. Это взрыв адронного коллайдера, разносящий вселенную на клочки.

Боже, как оно дико – то, что происходит в этой темной каморке. Когда я, лицом к двери, с оттопыренной пятой точкой, а он вбивается в меня, и каждое проникновение – краткая остановка атомов в моей вселенной. На одно мгновение, но как же это... Феерично! А в воздухе – клубничный аромат презервативов, и это тот случай, когда презерватив ничего не портит в ощущениях.

Рычит. Боже, он рычит! Вот вы понимаете, рычит! Ей богу, лет с двадцати пяти не помню мужика, который в сексе рычит. Скажи спасибо, Надюша, если попыхтел. А так, молчит же, собака, и это же иногда жутко вымораживает. Сидишь такая и думаешь – ну и кто из нас бревно, вообще? И, может, мне уже слезть и поехать домой, а то как-то не очень похоже, что оба тут кайфуют.

А нет, этот рычит! Ох, мой мальчик, как же ты хорош. Какую красивую звездочку я нарисую на фюзеляже. Большую такую. Жирную. Обводить её буду старательно, чтобы точно не забыть. А лучше бы всем показывать, но когда ты женщина – тут не похвастаешься новым потрясающим любовником. Ну, если, конечно, не хочешь получить свою порцию осуждения.

Мальчик... На самом деле он ведь только на пару лет младше меня, причем я могу ошибаться. Просто иногда я ощущаю себя безумно древней, как атлант, подпирающий небеса плечами.

Боже, сколько бы я отдала, чтобы это все было по-настоящему. Чтобы как в сказках, как в кино, как в чертовых мечтах.

Но нет, так не бывает, я же знаю.

А вот оргазм – это вполне реалистичное. И ничего удивительного, что мой Апполон его добился. Малышу повезло, за тот час, пока я любовалась им на выставке, я позволила себе в него чуть-чуть влюбиться. Ну, от такого совершенства было сложно отвести глаза, право слово. Так что сейчас – восторг кипит в висках, кожа – будто раскаленная сковорода, и да, нужно все-таки найти тот кулер. Я бы не отказалась сейчас от воды. А лучше – от ледяного душа: это было бы просто спасение для задыхающейся и перегретой меня.

Поправляю платье, подтягиваю сползший чулок.

Целую своего сладкого Аполлончика напоследок.

– Спасибо, дорогой, – шепнула, касаясь губами щетинистого подбородка, – было бесподобно.

Ну ладно, он правда заслужил. Давненько меня никто так до звездопада не натягивал. И все это чушь, что мужикам нельзя и не надо говорить спасибо. Если есть за что, если ты трусы можешь сжать в ладони, и из них закапает, если ты еле дышишь – спасибо сказать нужно. Потому что ей богу, как редко такое бывает. А чем ты старше, чем циничнее, чем сложнее тебя развести на эмоции – тем такой кайф получается реже.

Выхожу из кладовки поправляю волосы, смахиваю с платья пыль. Хорошо, что в кладовке было темно, а то ведь весь адреналиновый флер этого безумства бы подрастеряли, обращая внимания на то, что "предается греховной страсти" в компании швабр.

Ну что ж, будем считать, что эта выставка прошла не зря, я не только денег с неё получила, но и божественной страсти глотнула. Хороший заряд. А теперь можно оставить продажу лотов на персонал, забрать тренч из гардероба и поехать домой, переживать это чудное затмение.

Когда у тебя первый секс – ты мечтаешь, чтобы он был роскошным, на шелковых простынях, пропахших розами, в свете тысячи свечей, и желательно, чтобы парнем был хотя бы Ченнинг Татум.

А когда тебе тридцать четыре, когда в паспорте два штампа об расторжении брака и дома тебя ждет одиннадцатилетняя Харли Квин со своими заморочками – ты рада даже в кладовке. Просто потому что черт его знает, когда выдастся еще один такой шанс. Дай бог, через пару-тройку недель.

– Эй, – мой Аполлон сбегает за мной по ступеням галереи. Пальто нараспашку, темные волосы взъерошены, в красивых глазах плещется недовольство.

– Ты не оставила мне свой номер, – произносит он, поймав меня за рукав тренча.

Ох, малыш, зря ты это. Я бы с таким удовольствием оставила между нами такую легкую недоговоренность. Почувствовала бы себя Золушкой, сбежавшей от тебя во время бала. А теперь придется объясняться, почему я на самом деле не оставляю тебе хрустальной туфельки.

А я не хочу, чтобы мой Аполлон вдруг превращался в пузатенького Вакха, чешущего пузико и встающего с дивана только чтобы к холодильнику за бутылкой пива сгонять. Да и нет, я же знаю, что он спрыгнет, как только узнает мои исходные данные.

– Я не оставляю номеров, дорогой, – спокойно улыбаюсь я. А сейчас – даже не представляюсь, хотя есть у меня подозрение – он в курсе, на чьей выставке побывал.

– Мне оставишь, – упрямо качает головой мой безымянный бог.

– Зачем? – смеюсь. – Тебе это не надо, я тебе честно говорю.

– Мне решать, – нахально заявляет это дивное совершенство. Какая жалость, что три четверти мужиков вот такие нахальные лишь на первых двух свиданиях. Потом у них как-то эта самцовость слетает, как золоченый фантик.

– Нет, мой дорогой. Не тебе решать. Мне не интересно то, что после обмена телефонов, – качаю я головой и ныряю в подъехавшую тыкву, ой, простите, в такси.

Мой Аполлон бросается к машине, но спотыкается об мой взгляд, и замирает, глядя на меня то ли с угрозой, то ли с раздражением. Ничего-ничего, малыш, я просто решила твои проблемы заранее.

Ну, все, пора возвращаться с божественного Олимпа на грешную землю. Никаких пустых надежд, их лелеять бессмысленно.

Девушкам с пробегом боги улыбаются один раз в жизни...

2. Куплю отворот, за любые деньги

Нет, ну какого же черта?

Никогда в своей жизни у Давида так не было, и он искренне верил, что слишком прагматичен для всего этого дерьма, но...

Крышу сорвало резко, одним движением, в первую же секунду, когда Давид оказался на выставке. Когда он первый раз увидел Надю Соболевскую с бокалом шампанского в руке, разговаривающую с одним из друзей Давида.

И сразу Макс очень резко стал Вознесенским, и сразу Давид вдруг понял, что с эмпатией у его приятеля не очень, потому что Макс напрочь отказался понимать три красноречивых взгляда друга, которые совершенно точно поймал. Вот не хочет он отходить, и все тут. Принципиально.

Дружба дружбой, а девушку получает тот, кто первый её уболтал. Закон джунглей.

И ходит Давид, и смотрит Давид... То на Надю, то на её работы, на лица людей, в которые Соболевская вписывала то закат, то рассвет, то полнолуние...

Старик, в чье лицо вписали горный пик. И седые пряди, обрамляющие лицо – то ли волосы, то ли облака...

Что сквозит в этих странных морщинах-горных утесах? Мудрость? Старость? Поневоле стоишь и думаешь, и правда, что хотел сказать художник?

Девушка, в лице которой кипит океан. Бурная, все смывающая на своем пути страсть, запечатанная на холсте одними только мазками акрила.

Интересно, чья это страсть в картине – натурщицы? Или художницы?

О, эта мысль – удачный повод снова глянуть в сторону Соболевской.

И что за пропасть – с каких пор Давиду вообще нужны поводы, чтобы посмотреть на женщину?

И все-таки почему к Соболевской подходит столько мужчин? Что это за магия такая? Не одному Огудалову Надя кажется магнитом? И что, они все не ощущают, что Соболевская – не для них?

Для него.

Почему для него-то? Где логика?

Почему вообще Давид с самого начала выставки чувствует себя будто слегка нездоровым, если отводит взгляд от Соболевской?

Что в ней такого?

Да ничего.

Ровным счетом ничего, что могло бы свести с ума.

Волосы – простые, темно-русые, распущены свободными волнами по плечам.

Черное платье – хорошо сидит на ладной женской фигурке, но очень простое, без изысков.

Лицо – ну, лицо. Ни тебе супер-чувственных губ, ни тебе томных, с поволокой глаз.

Все симпатично и просто.

Почему же глаза так и тянутся к ней?

Ну, правда, при прочих равных Давид Огудалов не смог сходу понять, почему его взгляд раз за разом возвращается к Соболевской, почему начинает прожигать недовольством висок очередного окрыленного Надиным творчеством поклонника.

Творчеством? Точно творчеством? Почему кажется, что мужики то и дело начинают поглядывать на её грудь.

Раньше, с любой другой девушкой, Давиду было плевать, потому что, ну, красивая грудь, почему бы и не посмотреть? А сейчас – хочется выжечь чертovy наглые глазища, которые смотрят на неё с подобными желаниями.

Странное ощущение.

И палиться не хочется, потому что это какое-то наваждение. Ну, оно же должно потом ослабнуть, да? Просто с гормонами какая-то ерунда творится.

Нет, это наваждение надо было купировать, вылечить, ну невозможно же было так дальше жить. Он не может пойти и закрутить роман с первой встречной художницей, у него все-таки планы, обязательства, и... Ну нет. Тем более, что именно с Соболевской последний месяц всеми правдами и неправдами Давида пыталась познакомить мать.

Да, у матери были свои причины, и вовсе не благоустройство сыновней личной жизни её беспокоило. Такими вот нехитрыми способами Тамара Львовна бунтовала против Моника, против планов Давида на переезд в Америку, которые он уже начал претворять в жизнь.

Поэтому совсем зашкаливающим стало количество красивых девиц, то и дело захаживающих в гости “на ужин”, когда Давид заезжал к матери, или которым надо было срочно показать город, и “милый, ну это дочка моего лучшего друга, неудобно с экскурсоводом, покатай её сам”.

Катал. По-разному катал, где-то на машине, где-то – на чем-то другом, если уж девочка и вправду симпатичная попадалась.

Но вопреки этому всему Давид не собирался поддаваться и оставаться в России, он уже два года готовил этот плацдарм к переезду, и уж тем более не собирался смотреть на Надежду Соболевскую как на что-то стоящее.

Ну, серьезно, что может предложить ему – дизайнеру с именем и собственным делом – простая художница, да еще и та, которую так настойчиво Давиду впаривает мать?

Ну, он же лучше знает, что ему нужно от женщины, так? И... И вот!

Стоит себе Давид Огудалов и как идиот смотрит то на картину, то на художницу, которую в другом конце выставочного зал снова терзает вопросами настырный Вознесенский. Вот не умеет Макс признавать свое поражение. Его уже отшили раза два, наверное. Ну, да, настойчивость – вот главное оружие.

А сам Давид в это время как пацан-девятиклассник пытается придумать, как бы ему заговорить с девушкой.

Заговорить!

Это же просто, сложил два-три слова, и даже если слова чушь – девушка, как минимум, посмеется над ними, контакт уже начнется.

А нет, не хотелось казаться идиотом...

Какие красивые у вас игры светотени...

Дурацкая фраза, такая банальная в качестве стартового комплимента художнице, и почему-то самому Давиду она показалась немыслимо пошлой, будто в каждом слове той фразы на самом деле пряталось “я хочу вас трахнуть немедленно, не сходя с этого места”.

И думалось Давиду, что Надя глянет на него и отвернется, возмущенная столь безыскусным и наглым подкатом, а она...

...Улыбнулась ему.

Это был конец, фаталити, апокалипсис.

Как можно мнить себя уже наевшимся “свободных отношений”, замахиваться на цель “построить семью” и вот так терять голову от одной только случайной улыбки?

Как можно вот так влипать и в то же время быть молодым самовлюбленным кобелем, который не выходит из дома без трех презервативов в кармане, а чувством собственного достоинства может сшибить с неба солнце?

А он потерял... И влип...

Эта улыбка будто начинает рождение сверхновой в его груди. И хочется, чтобы эта улыбка с Надиных губ больше не сходила. Вообще никогда. И про себя он уже зовет её Надей, хотя они даже не познакомились. Просто потому что он не сможет наскрести в себе самообладания на какую-нибудь Надежду Сергеевну.

У вас красивые скулы...

Он никогда не думал, что одной лишь фразы такого рода ему будет достаточно, чтобы пропасть.

Он не был идиотом, он знал, что женщины находят его привлекательным, это уже давно не было новостью. Лет с четырнадцати, поди, когда пошла мода дарить валентинки, и когда вдруг оказывалось, что открыточек в виде сердечек Давид Огудалов получил с первого же раза больше, чем трое его друзей вместе взятых.

– Куплю отворот, за любые деньги... – билось в голове Давида, а ладонь уже ложилась на Надино бедро, а глаза уже поблескивали триумфом, задевая лица тех неудачников, которых ждал облом. Нет, вряд ли они предполагали, что Давид трахнет Надю, прямо не выходя из галереи, но они прекрасно понимали, что это ждет его в ближайшее время. И завидовали.

А у него срывало последние гаечки с предохранителей. И не оставалось сил терпеть, ждать, куда-то ехать, нужно было прямо сейчас, и ни часом позже.

Опять-таки, если бы Давид не был прагматиком – он бы решил, что Надя Соболевская – настоящая ведьма, взяла и приворожила его, или что там у него какая-нибудь связь истинной пары в душе зачесалась.

И думалось ему, что секс все исправит, что нужно просто сбросить это напряжение, нужно просто взять её – ту, что взяла и вытеснила из головы Давида все его мысли.

И был он, тот торопливый секс в кладовке, яркий, как взрыв, и краткий до безумия.

Его не хватило. Совершенно. Да и на что его могло хватить?

А потом...

Потом Давид смотрел ей вслед...

Ну, точнее, не ей, а её уже скрывшемуся за поворотом такси. Сути это не меняло.

Даже имени не спросила...

Что это было вообще?

А ведь он заехал предложить ей работу...

Да-да, работу. Заказчик Давида внезапно захотел, чтобы в его гостиной был во всю стену его портрет, и не какой-нибудь – а чтобы “в стиле Соболевской”. И чтобы писала его именно “рука мастера”.

Головная боль, на самом деле, потому что теперь проект под этот “арт-объект” переделывать придется, но клиент хорошо платил за свои капризы.

И все-таки, это было дело рук матери, Давид был уверен. Она решила столкнуть сына с Соболевской не мытьем, так катаньем.

Если говорить по-честному, во всей Москве сложно найти худо-бедно значимого в искусстве человека, который не знаком с Тамарой Львовной Огудаловой хотя бы заочно.

А Юрий Андреевич Левицкий был племянником друга Тамары Львовны. Задурить ему голову рассказами о редком таланте молодой художницы, и о том, что “сейчас она нарисует вам задешево, а потом ваша гостиная будет шедевром российского искусства”, матери явно было несложно.

В общем... Давид приехал предлагать Соболевской работу, да. Насколько он успел понять до выставки – у Надежды не то чтобы наплыв заказов, но бывают провалы. От большого и выгодного заказа она не откажется.

Ну, и он был искренне уверен – мама в который раз потерпит поражение. Наде просто нечем его заинтересовать. Заколебавшемуся материнским сватовством Давиду немного хотелось отомстить. Совсем чуточку. В уме.

А выходит так, что Давид возвращается домой после выставки и звонит маме.

Адрес и телефон Нади достать проще некуда, зря богиня мнит о себе очень уж много.

– Ну что, ты познакомился с Наденькой? – щебечет мать. Просто соловьем заливается.

– Не успел, – хладнокровно врет Давид, чувствуя себя школьником, рассказывающим сказки об украденном дневнике. – Приехал слишком поздно, её уже не было. Я заеду к ней завтра, только скажи адрес.

Не хочется признавать свое поражение и давать в руки матери такой козырь... Дай ей волю – и Надя появится в жизни Давида ровно в таком количестве, что он точно усомнится в идее переезда. А все же решено и спланировано.

Так что мама не узнает о том, что его все-таки проняло. Пока – не узнает. Пока Давид не придумал, что ему с этим делать.

Что ему делать с Надей...

Заехать к ней завтра. Да, пожалуй, хорошая мысль.

Взять себя в руки, выдохнуть, поговорить уже наконец о работе

Хочется иного.

Хочется поехать не завтра утром, хочется рвануть прямо сейчас. Догнать беглянку, завалить её на первую попавшуюся постель и драть её столько времени, сколько понадобится, чтобы её язык совершенно перестал ворочаться во рту.

Отношения её не интересуют с ним, ишь ты...

Оборзевшая, невесть что о себе возомнившая богинька.

Мама называет адрес, обещает даже утром позвонить и спросить – дома ли Надя.

Ну да, ну да, конечно, исключительно из благих побуждений. Ладно, мама, что уж с тобой делать. Все равно по-твоему не будет.

После разговора с матерью Давид ловит себя с поличным – за рабочим столом, у листа бумаги, с карандашом в руках.

И это просто выходит за всякие рамки, потому что он уже давно не рисовал просто так, для себя, для настроения, наверное, с института. Эскизы, интерьеры и все, что по работе, – много и запросто.

А тут пальцы скользят над листом, карандаш очерчивает контур изящного подбородка. Давид – не профессиональный портретист, хоть навык рисовальный и не теряешь с годами. Рисунок выходит больше техничный, набросок, не портрет.

Какие у неё глаза?

Серо-синие, такого редкого оттенка. Он успел заметить, за время их краткой беседы. И не море, и не небо.

В груди будто ворочается спящий медведь при воспоминании об этих глазах.

В голове слегка гудит, глаза будто нарочно снова ползут к листку с записанным адресом и думается – а спит ли она сейчас? И вспоминает ли о нем?

Хочется. До нервной лихорадки, сводящей пальцы, хочется, чтобы она думала именно о Давиде. Так же, как он думает сейчас о ней, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь туман этого наваждения...

А еще лучше – сильнее, чтобы валялась сейчас на мятой простыне где-то там, думала о его члене и трахала сама себя своими тонкими пальчиками. И чтобы скулила, умирала от пустоты, ведь это совсем не то.

Нет, это совершенно ни в какие рамки...

Что это за озабоченный пубертат накануне тридцати, а?

И с этим точно надо что-то решать. Оставлять это на самотек внезапно не кажется разумным решением. Потому что вот в таком состоянии – Давид может из самолета вылететь во время посадки, просто потому что если его будет ломать хотя бы вот так, как сейчас – он на месте не усидит.

Этак можно и нешуточно увлечься, и передумать насчет переезда. Нужно как-то взять это под контроль. Успокоиться. Насытиться ею.

Ну, допустим, хочет Давид Соболевскую. Хочет. Пусть не так, как любую другую девушку, но все-таки – только хочет, не даром на кончике языка до сих пор мерещится её вкус. Солоноватый, пряный. И как же жаль, что только мерещится...

Давид сделал слишком много, чтобы перебраться в Нью-Йорк. Там – перспективы, уже сейчас налажены неплохие связи, и уже даже не один клиент ждет приезда Давида. Сейчас у него осталось не так много незавершенных дел, держащих его в Москве. И разве стоит какое-то странное секундное увлечение всего того, что ждет его там, в Нью-Йорке?

И нет, ну все-таки: какого же черта, а?

3. Кровь от крови моей

Я еду домой.

И пусть пора делать ремонт, штукатурка на потолке в ванной потрескалась, уже месяц как сломалась посудомойка и снова надо вспоминать, что ты не только вольная художница, но еще и Гроза Грязных Тарелок. Все равно – дома хо-ро-шо.

Даже эти дурацкие тарелки можно, приложив усилие, и не заметить. Как делает Алиска, когда её надо убираться в комнате, а не хочется? Заходит в субботу с утра в кухню, патетично вздыхает, говорит: «Капец, как у меня грязно, пора пылесосить», а потом шмыгает за ноутбук, истязать какую-нибудь новую песню своими попытками в ремиксование.

Типа, да, мама, мне страшно некогда, но знай – сердечко-то мое не на месте!

Вот и я завтра перед завтраком драматично порву на затылке волосы, что пора мыть посуду. Разница только в том, что вымою я ее, когда Алиска свалит в школу, а дочь моя в комнате приберется, только если я принесу к ней пылесос, встану посередине этих Авгиевых конюшен и демонстративно засучу рукава. Вот тогда, когда прогремит заветное «Мам, я сама!!!» – вот тогда в комнате моей дочери просветлеет. На некоторое время.

– Привет, мам, – Алиска выползает из своей комнаты с недовольным видом, – а чего ты меня на выставку не взяла.

А того и не взяла, милая, потому что последний секс в моей жизни был четыре месяца назад. И я наделась, да, что подвернется кандидат. И совершенно не хотела, чтобы моя дивная дочь атаковала меня с фланга, пока я купалась в серо-зеленых очах моего Аполлона, с её любимым: «Мам, мне скучно, когда мы домой поедem». Две недели назад она мне устроила обломчик именно таким образом. Нет, там, конечно, не было никакого сравнения с сегодняшним восхитительным юношей, но все-таки и тот мужчина был ничего так. Обламываться все равно было обидно.

Я отомстила. Я гнусно отомстила. Не дала Алиске надеть супер-мини на день рождения к подруге. А там точно был мальчик, который моей Лисице нравился.

Ага, ни себе ни людям! И пусть скажет спасибо, что я все-таки разрешила ей намазать губы блеском.

– Тебе же скучно на выставках, жучок, – дипломатично откликаюсь я, сбрасывая с ног туфли. Боже, как хорошо. Может, все-таки стоило взять с собой Аполлончика? Может, у него не только язык дивный, но и пальцы способны к божественному массажу ног?

– Можно подумать, я тебя на веселые мероприятия приглашаю, – прыскает Алиска и я, кажется, понимаю, что дочка все-таки в маму удалась не только профилем, но и ехидством. А в папу – только лопухими круглыми ушками.

Ага, школьные концерты – скука смертная, уже, кажется, даже их участники это иногда понимают. Хотя, скажем честно, это все педсостав. У них план, за активность – премируют, вот и тыкают по мероприятию раз в месяц. Ну, а Алиска – регулярно вертится в актрисах, то танцует, то играет, в прошлом месяце даже запела.

Как я потом отбивалась от завуча, атаковавшей меня с требованием: «Отдайте девочку в музыкальную школу, у неё отличные вокальные данные», – лучше не рассказывать.

Мне иногда кажется, что в школах есть какой-то план. Столько-то учеников должны ходить в музыкалку, столько-то в художку, столько-то – сидеть в библиотеке и обеспечивать план уже ей. Ну, вот как объяснить, что Алиска предпочтет посидеть дома и попытать меня терзанием гитары или очередным «ремиксом», и что для «общения» у Алиски драмкружок, и ей хватает?

Нет, я могла бы включить деспотичную мать, могла бы сплавить дочь и в музыкальную школу, но я решила в свое время, что быть деспотичной мне лень. Ну и вообще, музыкалка

денег стоит. Нет, если Алиска все-таки соберется со своей гитарой познакомиться профессионально – денег я найду, потрясу её папочку, который уже второй месяц зажимает мне алименты. А пока она «думает» – можно не напрягаться.

Эх, вот пока дети лет до десяти – это такое ходячее мимимишество, устами которого глаголет истина, а когда девочке вдруг уже одиннадцать, и вот-вот стуканет двенадцать, устами её все чаще начинает звучать подросток. И это ей еще не четырнадцать и она не воюет за то, чтобы её на концерты отпускать одну. И не требует разрешить ей покрасить волосы в бирюзовый цвет. И не заставляет меня думать, что мне с этим делать. Хотя, наверное, я не буду делать ничего, что помешает Алиске самовыражаться. Эх, кто бы мне такое разрешил. До сих пор хочу покраситься в розовый цвет и все думаю – а что на это скажет мама. Наденька, тридцать четыре годика.

– Ты покормила Зевса? – вспоминаю я про самое балованное создание в этом доме.

Алиска кивает.

Зевс – наш с Алиской черепах. Истинный небожитель, потому что именно над ним трепещут все три местные гурии. Единственный мужчина, которого я готова терпеть не только в своем доме, но и в своей спальне дольше, чем пару ночей. Молчалив, верен, идеален. Такого можно и побаловать, и за свежими огурцами ему зимой в магазин за три квартала гонять. Потому что ну невкусные же те, которые поблизости.

Когда в прошлом году наш Зевс решил заболеть – боже, как я с ним носилась по всем герпетологам столицы. Кормила этого паразита из шприца, через зонд, отказалась от маникюра, лишь бы не повредить ногтями чувствительную черепашую мордашку. А заради мужика я на такие подвиги уже не готова.

Прохожу в ванную, чтобы помыть руки и глянуть на себя в зеркало. Отбрасываю волосы на спину, смотрю на себя в зеркало, делаю «как было», прикрывая волосами шею. Вот ведь... Аполлончик мой несносный, и когда успел мне засос-то поставить? У меня, между прочим, родительское собрание послезавтра. Придется искать водолазку.

– Мам, я там блинчики пожарила, – хитро улыбается Алиска, вставая в двери ванной, и я поднимаю бровь. Очень интересно.

– И кого мы косплеим на этот раз?

Моя звезда – звезда не только в школе. Она у меня косплеер и блоггер. И это мне на самом деле головная боль, потому что одно дело быстренько соорудить ей на машинке белую юбочку снежинки для школы, другое дело – состряпать ей мантию Гермियोны из Гарри Поттера или комбинезончик Женщины-Кошки. И подобрать все остальное. И отфотать все это безобразие. Спасибо еще фотки для блога она сама подбирает.

Нет, я считаю, мне повезло, что Алиска еще аниме не видела. С одной стороны – состряпать прикид Сейлор-Мун относительно не сложно, но блин, я помню, что там были и крылья, а ведь Алиска не захочет мелочиться и обходиться матроской, юбкой и хвостами. Значит, придется снова доставать фоамиран и резать, и клеить. А кому? Ну, естественно мне, у меня ж красивее!

Хотя ладно, я скромничаю, вообще мне нравится это Лисичкино хобби, нравится возиться с нарядами, ради такого дела я в прошлом месяце даже разрешила ей купить дикокороткие шорты к костюмчику той самой Харли Квин. А уж с каким упоением я разрисовывала дочери биту... Хотела её повесить рядом с дверью, чтобы если что – далеко ходить не надо было. Алиска не дала, жадиана-шоколадина.

– Мам, а ты сможешь платье Блум Гармоникс сшить? Из восьмого сезона.

Холмс говорил, что у него де в голове не должно быть лишней информации. И это у него получалось, только потому, что у него детей не было. Потому что да, я знаю этих чертовых Винкс, знаю, в каком сезоне какая была трансформация у этих дурацких феечек, знаю, где какой злодей был... В общем... В общем да, великим сыщиком мне стать не светит.

Гармоникс. Смутно припоминаю, что там за ерунда – вспоминается какая-то каскадная юбка с длинным голубым хвостом. Ох, и повозимся мы с ним...

– А попроще ничего нельзя было придумать?

Алиска шмыгает носом. Пытается выглядеть виновато. По актерскому мастерству можно ставить крепкую четверочку.

– Я подумаю, – жестоко сообщаю я. Таким вот образом я сообщаю дочери, что одними только блинчиками она меня в этот головняк не втравит.

Да, да, заинтересованная в своей выгоде Лиса – существо очаровательное, ужасно трудолюбивое и дико подлизывающееся.

А я вполне могу продаться за пару приготовленных на ужин салатов, тем более что когда мне срочно надо портрет дорисовать – мне не до готовки. Мне иногда кажется, что именно из-за этого Алиска научилась готовить. И хорошо, что её умения не захватывают пока ничего серьезнее блинчиков и салатов, а то, как бы я жила, если бы она еще и кексик печь научилась? Стремительно поправляясь?

А вот когда Алиске стукнет лет четырнадцать и она вырастет из детской швейной машинки – я уже сама её шить научу, чтобы свои Гарри-Поттеровские мантии она сама себе кроила.

Дочь понимает, как надо, успокаивается и смывается. Ну вот. А кто выдаст маме обнимашек, а? Хотя ладно, понимаю, у неё скоро время отбоя, какие тут обнимашки, поди ремикс недомиксован.

Ладно, у меня есть чем заняться. Кофе приготовить там, блинчик съесть и заползти уже, наконец, в «мастерскую». Квартира у меня с мамой трехкомнатная, одна комната Лисицына, вторая мамина – мне отдали самую большую. Поэтому мастерскую из неё я делала исключительно старым добрым СССРовским способом: отгородила часть комнаты шкафом. Не помню, как называется этот прием в современном дизайне.

На самом деле забавно. Приглашаешь к себе натурщика, ведешь его через комнату с двуспальной кроватью в одной половине, и он забавно начинает напрягаться. Ох, наивный. Если бы, если бы собеседование у меня проходили через постель. Увы, художников сейчас много, ничего эксклюзивного я предложить не могу. Ну, разве что боле-менее на слуху, но именно поэтому мне натурщики требуются нечасто.

К мольберту я не сажусь. Там незаконченный портрет для заказчицы, и его я буду доделывать как раз завтра. Сегодня...

Пока не забыла его профиль – я его зарисую. Потом – нарисую в цвете, в том цвете, который сама подберу для него, для моего Апполона, чтобы подчеркнуть его чувственность и силу. Но сейчас, я просто обозначу жесткость его скул, твердость его губ...

Кто-то может сказать – и правда, зачем ты, Надя, не дала ему телефон? Ведь он был неплох, и он был заинтересован.

Там в галерее между мной и тем мальчиком случилась сказка. Сказка, которая не продержится дольше трех свиданий. Хорошо, что было сегодня – по коже в тех местах, где ко мне прикасались пальцы моего Апполона, будто кто-то провел горячие, неостывающие полосы.

Я хочу запомнить его таким. Страстным. Сильным. Совершенным. Понимающим намеки с полуслова, с полувзгляда. Способным на маленькие безумства.

Не хочу видеть, как он разочарованно смотрит на меня, когда рядом со мной появляется Алиска.

Да, у меня есть дочь. И я её люблю, и она – моя семья, и никого на свете я не предпочту ей.

Да, по мужскому вниманию я скучаю, да – каждый «выход в свет» воспринимаю как новый шанс. Но прекрасно знаю цену горячим красавчикам, которые либо реально спрыгивают, либо совершенно не втыкают, что такое взрослый, чужой ребенок.

Алиска – от первого моего брака, который я долгое время хранила на кой-то черт, терпела пассивность Алискиного отца, думала, что он все-таки встанет и пойдет решать наши с ним общие проблемы, которые организовались после его сокращения. Нет. Почему-то я пахала на работе и на шабашках, а у Пашеньки были проблемочки. Это потом, когда я положила ему на стол заявление о разводе – он с дивана встал. И орал при этом, что все ради меня, а я дура не ценю. Впрочем, квартира была моя и мамина, возникал он до того, как я взяла в руку телефон и дала ему пятнадцать минут на то, чтобы свалить без помощи полиции.

Второго мужа я пока вспоминать не буду. Я его недавно вспоминала, увы, довелось столкнуться. С учетом того, что он – организатор всяческих выставок – это происходит регулярно. И я знаю, что он портит мне карму, распуская слухи о моей скандальности. Интересно, а что он рассказывает при этом?

Как я вышвыривала его вещи с балкона, даже не целясь в багажник его машины?

Или то, что это происходило после того, как он поднял руку на мою дочь?

Сомневаюсь, что второе. Сашенька – скромный, о своих подвигах вечно умалчивает.

И какая же жалость, что эта сука обошлась в деле о нанесении побоев одним только штрафом. Не менее мне жаль, что я – хрупкая законопослушная женщина и не стала вправлять ему мозги на место сковородкой. А какой был обходительный мужчинка... В первые полгода отношений.

И все же...

Возвращаясь мыслями к богам, мой Аполлон был прекрасен. Причем не только внешне, но и манера держаться у него была незабываемо мужественной. Идеальной настолько, что у меня даже не выходит выбросить его из головы прямо сейчас. Так и сижу, перебираю каждую секунду этого вечера, что я провела с ним. Мало провела. Хотелось бы больше. Но все, что больше – потом аукнется и большей болью.

Настроение сейчас не циничное, а слегка меланхоличное.

Влюбиться... Я могу влюбиться за пару минут. В конце концов, в мужчине я ищу вдохновение, в основном. Нет, я не из тех барышень, которые влюбляются каждой весной, из-за застоя в текущих отношениях. Влюбиться не для того, чтобы завести отношения, нет. Для настроения. Для вдохновения. Чтобы было о чем вспомнить, чтобы было от чего сердцу в груди делать свою сладкую гимнастику.

Мой Аполлон, мой юный бог – для этого подходит больше всех мужчин, которые вообще мне попадались в жизни.

Нет, я не жалею, что поиграла в Золушку. И не жалею, что поддалась его очарованию вот так сходу, этот торопливый жаркий секс в кладовке галереи теперь точно можно вспоминать, как самый безумный секс в моей жизни. И помечтать пару недель вновь утонуть в серо-зеленых очах моего Аполлона – так и быть, я себе позволю.

И сейчас в компании угля, бумаги и золотистого света настольной лампы я занимаюсь именно этим – слегка тоскую. Самую чуточку. Для вдохновения!

Это я еще не знала, кто позвонит в мою квартиру утром...

4. Сны и яви

У моего Аполлона безумно мягкие губы. С таких впору пить вино, а он ласкает ими кожу моих бедер, и каждое его прикосновение – будто лишняя вспышка света на вечно ночных небесах моей души.

У него шершавые небритые щеки, которыми он трется об кожу на моих бедрах, и от этой колкости, такой контрастной с его же поцелуями, я тихонько постанываю. Мурашками уже покрыты не только бедра, но и все мое тело.

У него совершенно бессовестные пальцы, которые не дают мне свести колени, чтобы закрыться, и эти пальцы медленно, неторопливо порхают по чутким мокрым складочкам, дразнят, но не более.

У него лукавые, такие безумно красивые глаза, которыми он без слов спрашивает: “Хочешь? Хочешь больше?”

Дурацкие вопросы!

Конечно же я хочу.

Но мой язык ужасно неуклюж, и я не могу произнести эти слова вслух.

А он...

Он – мое совершенство. Он все понимает сам.

Подается ко мне, накрывает тяжелым телом...

Когда вдруг сбоку появляется Шакира с микрофоном – я понимаю, что-то не так. Её тут быть не должно. И со всем уважением, дорогая Шакира, не...

Додумать я не успеваю.

Я просыпаюсь.

Под завывания Шакиры на бьющемся в истерике телефоне. И в безнадежно мокрых трусах. Ай-яй-яй, Надежда Николаевна, а ведь взрослая девочка уже, давно ли ты видела неприличные сны? И как все было натурально. Могу поклясться, что очень натурально ощутила прикосновение тугой головки к пылающему входу в лоно.

И что за нехорошая личность не дала мне досмотреть? Хоть во сне бы кончила, блин.

Впрочем, яд я сглатываю, как только вижу абонента.

На благодетелей и покровителей ядом даже в мыслях не плюют.

Тем более – на Огудалову.

– С добрым утром, Тамара Львовна, – бодрость в голосе выкручена на максимум, хотя лично я бы на такую сонную лошадь как я ни цента бы не поставила.

– Спите, Наденька? – Ой-ой, какая мягкость в голосе, а что у нас такое случилось? Мне цену за аренду зала поднять решили?

– Немного, Тамара Львовна, – впрочем, это вранье – я тут же зеваю, выдавая истинное положение вещей. – Приехала вчера поздно. Работала еще...

– Понимаю, – мечтательно откликается Огудалова, – вдохновение. Как вчера прошел аукцион, Наденька?

– Неплохо прошел. Гораздо лучше, чем я ожидала, – честность моего ответа значения не имеет. На самом деле отчет по продажам за аукцион уже наверняка лежит у Огудаловой на столе.

– Ну, я не удивлена. Давид обещал привести своих друзей, они у него ценители современного искусства, – доброжелательно откликнулась Тамара Львовна.

Мне интересно, это я ей реально настолько нравлюсь, или ей просто выгоден мой успех? Может, ей в следующий раз процент с продаж вместо ставки предложить. Вон уже даже её сын взялся за мое продвижение. Ему ж есть чем заняться, наверняка. Он же занятой, крутой,

востребованный дизайнер, и надо же – даже обратил на меня внимание. Хотя я его в глаза не видела. Как-то не доводилось.

– Наденька, а вы про мой юбилей не забыли?

Забудешь тут.

– Да как вы такое подумали, Тамара Львовна! – Даже не пришлось ничего отыгрывать. И дело даже не в том, что именно в этом году, я не просто заеду к Огудаловой, чтобы её поздравить, а лично приглашена на праздник. С учетом того, насколько много Огудалова сделала для моей художественной раскрутки – я помню не только про её юбилей, но и про именины, и даже годовщину её развода, которую моя покровительница отмечает из года в год шикарнее, чем свой юбилей. В этом наши точки зрения очень совпадают: развод – это действительно праздник, в некоторых случаях.

– Замечательно. Хотела показать ваш подарочек паре своих знакомых, они очень в вас заинтересованы.

Вот все бы так, ей богу. Знакомые Огудаловой всегда если не готовую картину берут, то заказ делают. Вот именно поэтому Тамара Львовна всегда получает заказы без очереди. А часто – еще и бесплатно, у меня наглости не хватает брать с неё деньги, я вечно подгадываю под какие-то праздники. Хотя пару раз она мне настойчиво платила просто скидывая переводом на карту. Типа, любой труд должен быть оплачен, ага.

Уж не знаю, что именно она нашла именно во мне, порой мне кажется, что двигала меня Тамара исключительно из сочувствия разведенки к разведенке. Вот как пришла я к ней в первый раз, тощая как жердь, с голодными глазами и тремя картинами в тубусе – так и понеслось.

Первую картину Огудалова у меня попросила именно в подарок, показала её на какой-то своей вечеринке, после которой на мою первую выставку пришло неожиданно много людей.

Что в итоге? Четыре года приятельских отношений. Не дружеских, я опасаясь сблизиться сильнее, да и она явно получает удовольствие от моих уважительных интонаций. Но все же могу послушать сейчас, как она распинается про сына. Он у неё тоже творческий. Какой-то модный дизайнер, с личной фирмой. Ей хочется похвастаться, я её понимаю. Сама при случае всем рассказываю, какая крутая у меня Алиска.

– Значит, увидимся завтра вечером, Наденька, – на прощанье одним только голосом улыбается мне госпожа Огудалова и оставляет меня в легком удивлении. Ничего особенного вроде мне не сказали, просто поболтали, напомнили про день рождения. То ли Тамара Львовна просто соскучилась, то ли хотела намекнуть, что в следующий раз ставку мне на аренду все-таки повысит.

Дружба дружбой, а бизнес бизнесом, ага.

Впрочем ладно, повысит так повысит.

Минут десять после окончания разговора я лежу, смотрю в потолок и радуюсь.

В основном тому, что моя мама достаточно милосердна, чтобы проследить с утра за сборами Лисы в школу и накормить её завтраком, а сама Алиска достаточно самостоятельная дойти до школы без меня. Слава всем олимпийским богам – школа была в двух домах от нас. Ну, счастье же! Счастье для меня, которая регулярно засиживается за полночь, потому что картину сдавать прям завтра, иначе послезавтра будет не на что купить молока.

Да, так бывает. В этом потрясающий нюанс “свободного плаванья”. В свободном плаваньи авансов не бывает, и зарплатных дней тоже нет. И нет, если вы представляете себе такую мечтательную творческую меня, которая полгода рисует, потом устраивает выставку-аукцион, огребает деньги лопатой и еще полгода живет на нагребенное – нет, увы, оно так не работает. Жаль, да.

В большинстве своем – я пишу портреты. Много-много портретов. Благодаря тому, что по Москве я в принципе известна – заказы есть, и ценник у меня приятный. Могу себе позволить плавающий график, могу себе позволить пару раз в неделю вместе с дочерью съездить

на плавание, но вот на ремонт той же ванной откладываю уже три месяца. И то, потому что приперло, а до этого два года откладывала.

В квартире тишина. Мама ушла на работу, Алиска в школу (надо будет её встретить с уроков кстати). Что делаю я перед тем, как окончательно вылезти из-под одеяла? Правильно, первым делом – заползаю в телефончик, чтобы убедиться, что дочерь моя действительно дошла до школы. Родительский контроль – вещь прекрасная, спасибо тому чуваку, кто его изобрел.

Алиска на месте. В левом крыле школы, как раз там, где у неё класс. Дивно. Глазиком можно не дергать. Можно повалиться и помечать о чем-нибудь отвлеченном.

Одно печально в жизни разведенки – хорошего секса много не бывает. Один раз вчера не значит, что сегодня я не захочу. Да и что там, второпях же было. Хотя и до звездопада офигенно. В общем, с удовольствием бы повторила вчерашний забег. Какая печаль, что богов нельзя вызвать на полчаса. Не вылезая из кровати.

Я встаю. Разворачиваю мольберт с портретом Тамары Львовны к окну, придирчиво шурю, оценивая объем работы, потом понимаю, что без пол-литра кофе я к таким нагрузкам не готова. А дальше – все по привычной схеме.

Леггинсы, двор, два километра, дом, душ, кофе.

Кофе – в награду естественно, за то, что я такая молодец у мамы и у самой себя. Взяла и выросла.

Мысли немножко меланхоличны. Мысли касаются моего сна, моего наваждения с дивными глазами и, чтобы от них отбиться, приходится напрячься всему моему скептицизму.

Увы, если посмотреть правде в глаза, девяносто пять процентов мужчин от меня отваливаются, только узнав о наличии дочери. А оставшиеся пять процентов – это, блин, мужики вроде Сашеньки, свет, Верейского, боже, с каким бы удовольствием я бы его отпинала по почкам. Нет, Алиска-то забыла, Алиска умница, она даже притащилась от того, что мы не ходили в школу две недели из-за фингала на все лицо.

А мне, блин, до сих пор в кошмарах снится. Она же первоклашка тогда была... Куда более мелкая и уязвимая, чем сейчас... Блин, почему я Верейскому не вырвала руки?

Звонок трагично воеет. Блин, и зачем я повелась на Лискины уговоры и поставила этот волчий вой – вот сейчас едва не упала с табуретки.

И я понятия не имею, кому с утра пораньше приспичило увидеть мою заспанную физиономию, потому что я пила только вторую чашку кофе, а до третьей я на человека не походила совершенно.

Но тем не менее – я ползу открывать.

Кто его знает, может, это кто-то хочет мне супер крутой пылесос продать, или балкон хочет мне “со скидкой” застеклить, а я еще ядом с утра ни в кого не плюнула.

Впрочем, этим своим ядом я чуть не давлюсь, когда открываю дверь.

Потому что за дверью стоит он.

Он!

Еще более красивый, чем в моем сне. С нахальной улыбкой на дивных губах. Темные волосы встрепаны, будто по ним только что прошелся ветер. Черное пальто чуть расстегнуто, бежевый шарф страстно обнимает его сильную шею. Я даже завидую тому шарфу... Боже, что за типаж у мальчика, с какого ракурса ни поверни – со всех красавчик. И...

И можно я сейчас возьму и умру от эстетического удовольствия? Его нужно рисовать. Его нельзя не рисовать.

Я даже не успеваю спросить – какого черта он тут делает, как раздобыл мой адрес и не маньяк ли он случайно. Мой Аполлон просто шагает через порог, самым наглým образом вторгаясь в мою квартиру. Захлопывает за собой дверь, ерошит темные волосы и улыбается, отчаянно флиртуя.

Со мной. И блин, ведь ни одного козыря в моем распоряжении. Ни тебе платья, ни тебе чулков. Серые штаны в разноцветных пятнышках краски – сами понимаете, меня не очень красят. Майка... Ну майка. Обычная черная “алкоголичка”.

– Я тебя нашел, моя богиня, – вкрадчиво тянет он, пока я вспоминаю, как вообще пользоваться языком. – У моей богини ведь найдется для верного адепта чашка кофе? А то я упаду и умру прямо у твоих восхитительных ног.

Эй, а я точно не сплю? А то очень на то похоже...

5. Упс...

– Ты где мой адрес взял? – и все-таки я не совсем безнадежна. Недотрах недотрахом, а постоянную бдительность еще никто не отменял.

– Зачем мне сдавать свои источники? – сие бесстыжее создание еще и пытается делать загадочный вид.

– Затем, что у меня есть сковородка, утюг и много других пыточных инструментов, а ты на моей территории, да еще и дверь захлопнул, быстро не убежишь.

Не судите строго. Этот вопрос реально актуален, потому что, может, мне надо Огудаловой стукануть, что в её галерее слили мои личные данные. За такое ведь можно и места лишиться, и карму работнику испортить.

Мальчик смотрит на меня укоряюще, мол, никакого пространства для личных тайн не оставляешь. Но я не оставляю, да. Смотрю на него, задрав бровку и скрестив руки на груди. И не сменяю гнев на милость, пока он не сдаст свои “источники”.

– Взял у твоего натурщика, – сдается нахал и то, явно не из-за того, что я его напугала, а потому что разговор явно забрел в тупик. – А у какого не скажу, не выпытаешь.

Мужская солидарность, чтоб её. И да, это проблема, на выставке у меня не один мужчина был на картинах. И не одна женщина – но тут же сказали “натурщик”. Значит – найду, загоню в угол и вырву чистосердечное признание.

Ну ладно, хоть не к Огудаловой вопросы.

Хотя все равно как-то это не очень волшеббно, что кто попало может получить мои данные. Болтливого наглеца найти и оторвать язык. Слишком длинный.

– Значит, кофе хочешь? – уточняю я у этого дивного видения, разглядывая его растрепанные волнистые волосы. Эй, ущипните меня кто-нибудь, чтобы точно проснулась – можно за попу. Хотя нет, уберите руки, пусть все будет так, как есть. Я хочу утопиться в его глазах. Ну, или хотя бы нырнуть в него с головой. Хоть один разик.

– Вообще-то, – ослепительно улыбается мне этот наглый стервец, тем временем расстегивая пальто, – сначала я хочу тебя. А потом можно и кофе.

Такой дивный мальчик и с недотрахом? Ох, нет, разве так бывает вообще? Хотя, что случилось такое дивное чудо, и я свела его с ума одним лишь взмахом ресниц в его сторону, я верю еще меньше. Кажется, мы просто не понимаем слова “нет”. Надо будет надиктовать ему значение в словарик.

– Какой ты непонятливый, мой сладкий. Я же тебе вчера все сказала, – а голос-то томный, а пальцы сами прочесывают волосы, которые чуть пушатся после фена. Ох уж эти, блин, инстинктивные реакции. И вроде выставить бы его нафиг, а я стою и думаю: “А зачем это делать прямо сейчас, и что же он, зря явился, а?”

– Со школы никогда с первого раза не усваивал, – с трагичным видом разводит ладошками наглый стервец, вешает пальто на вешалку и шагает вперед, сгребая меня в охапку.

– Ну что, богиня моя, – шепчет мой юный бог вкрадчиво, – повторим вчерашний урок? Повторим, мой мальчик. А что еще с тобой делать?

– Ну, раз ты сам приехал... – я встряхиваю волосами и подставляю губы для его поцелуев.

Не спрашивайте с меня строго, я еще не отошла от сна, и я все еще эстетически влюблена в этого сногшибательного поганца. У меня все равно от него уже в голове шумит, как от двух бокалов вина натошак.

Боже, как же он целуется. Мое солнечное затмение и парад планет одновременно. Не-ет, не просто вино, это мой глинтвейн, горячий, кипучий – и острый из-за его бесстыжих ладоней.

Нет, все-таки это не сон. И его божественные ладони, сдирающие с меня майку, – это не сон, это обалденная жаркая явь. Кто заказывал лето в начале весны? Мне вот подвезли неожиданной июльской жары.

Сон, не сон, какая разница, мальчик приехал потрахаться? Ладно, трахнем мальчика, почему бы и нет. Как я уже говорила, в жизни разведенки секс иногда происходит реже, чем современной зимой заморозки. Когда еще мне предложат два раза подряд за два дня? И когда еще дома никого не будет так кстати? И нет, этот мальчик совсем не из тех, кому стоит говорить “нет”.

У мистера Грея было пятьдесят оттенков, и он был слабак.

У моего загадочного Аполлона пятьдесят вкусовых оттенков только на кончике языка. Пятьдесят жарких и сладких оттенков наглости. Пробовала бы и пробовала, не отрываясь.

Шмотки летят во все стороны. Я с удовольствием сдираю с моего дивного мальчика и его пижонский пиджачок, и рубашку. Я хочу видеть его глазами, а не как вчера – только кончиками пальцев.

Бо-о-оже. Какой он офигенный без рубашки... Золотистая, полированная солнцем кожа, темная поросль на мускулистой груди... Съем. Всего. И можно добавки заранее?

– Пойдем, – я прихватываю мой сексуальный завтрак за галстучек, оставшийся на голой груди, и разворачиваюсь было к нему спиной, чтобы отвести его в мою спальню-мастерскую.

– Ну, раз ты приглашаешь, – он смеется и подхватывает меня на руки. В серо-зеленых дивных омутах его глаз черти танцуют джигу.

Мальчик хочет по своим правилам? А-а-а, да, пожалуйста, малыш, делай что хочешь. Если ты думал, что я буду брыкаться – ой, как ты облажался. Неси меня куда хошь. Можешь – на край света, но лучше на кровать неси. Только делай это сейчас, пока я не передумала.

Говорят, нельзя начинать отношения с секса. И не надо, мол, с ним торопиться. Это, мол, не уважительно к самой себе. Но знаете, по практике отношений, я не могу сказать, что пресловутый “первый секс только после свадьбы” как-то помогает добиться уважения. И “после трех свиданий” – тоже. Если мужик изначально не хочет тебя уважать – его ничем не убедишь. Тот, кто прилепит к тебе ярлык “давалка” после секса на втором свидании – не стоит твоего внимания, потому что имеет склонность лепить эти самые ярлыки.

Ну а сейчас... Сейчас вообще иной случай. Ни о каких отношениях даже речи нет. Даже с ним, этим невыносимо потрясающим юношей. Тем более что он – реально красивый. Да еще и друзья у него натурщики, которые альфонсы через одного. И как бы мой Аполлон не был из той же поры. Ну а что, они и на менее твердо стоящих на ногах женщин охотятся. А тут художница, богема, деньги есть, ну и шут с ней, что пару раз в год живет в режиме “как бы дотянуть до сдачи картины”.

Вот только он просчитался, если ждет от меня отношений. Я прекрасно существую с самой собой, мамой, Алиской и Зевсом в одной экосистеме. Я не умираю без мужика. Нет, было бы круто, конечно, если бы вдруг нашелся мой идеальный, но откуда же взяться несуществующему идеальному мужику.

А потом... А потом я знаю, как объяснить ему, что я – не вариант для молодого и красивого бога.

Итак, есть одна женщина, и один мужчина, и десять шагов до кровати.

Вопрос: как быстро с мужика слетят его джинсы?

Ответ: не так уж и быстро. Мои домашние штаны сдирают с меня быстрее, вместе с трусами, и вот оно – я голышом валяюсь на своей незаправленной кровати, а мой юный бог прижимает меня к смятой простыне.

– Боги-и-иня, – тянет мой Аполлон и зарывается лицом в мои груди. Слово “сиськи” не приемлю, уж простите.

Ну, богиня, не богиня, но третий размер. И даже сохранила форму, хоть это и было непросто.

Все как во сне, и даже лучше. И я ему ни капли не польстила, фантазируя, он действительно прекрасен – мое кудрявое совершенство. Прекрасен и ненасытен.

Первый раз – он как будто само собой разумеется, первый раз – это когда пяти его поцелуев мне хватает, чтобы сойти с ума.

Первый раз, когда я захлебываюсь его поцелуями и с удовольствием бы оставила его рот себе на память, потому что он восхитителен. Во всем, что бы он ни делал, к чему ни прикоснулся своим волшебным языком – к губам ли, к соскам ли, даже если просто шептал мне, что я красивая – от всего душа обливалась имбирным сиропом. Сладким, но остреньким.

Первый раз – с искусанными, зацелованными сосками, когда между ног у меня безнадёжно сыро уже через пару минут того, как мы оказываемся в постели и мой Аполлон смеется, и не балует меня своим языком. Впрочем, ладно, я обхожусь, мне сейчас не хватает члена. Его крепкого, раскаленного члена. Такого, что достает до дна, задевая абсолютно все чувствительные точки, что у меня есть. И от первого его толчка в мое тело я уже готова умереть и захлебнуться от удовольствия.

Первый раз – происходит почти без слов, мой Аполлон торопливый, голодный, будто все, о чем он думал этой ночью – была я, и именно меня он трахал, именно я извивалась под ним и обхватывала его талию ногами. И он снова рычит, вколачиваясь в меня, и меня немислимо прет от этих раскатистых звуков. Хочешь меня, малыш? Хочешь?

И нет для меня сейчас другого бога, только он, вот этот вот горячий, ненасытный, страстный бог, не понимающий слова “нет”.

И все, на что я способна сейчас, это: “Боже, еще, еще!”

Первый оргазм – быстрый, яркий, неожиданный. Уж не знаю, что за член боги выдали этому мальчику, но он явно не из обычных запасников, из обычных запасников органы меня так быстро до оргазма не доводят. А тут я лежу и ужасно хочу воды, много воды – а лучше мой личный ледник. Но нет милосердия у этого парня, он стягивает презерватив, и падает со мной рядом.

Но нет, не для того, чтобы просто повалиться, для того, чтобы отдать звонок ко второму акту.

Обожаю его. С этими его мягкими губами, которыми он выжигает мою шею, спускаясь к груди. С этими его пальцами, порхающими по моему телу будто по невидимым клавишам. С этим его языком, которым он нашептывает мне всякие непотребства.

Ох, уж этот эротический композитор. Хотя надо признать, мелодия моего удовольствия у него получается волшебная, я сама себе напоминаю сейчас мягкий зефир, до того много в моей крови сейчас кипит сладости. И ничего не надо изображать – все стоны сейчас – самые живые, самые честные. А этот паразит не торопится с началом второго раза, даже не взирая на то, что и сам он уже готов – я уже проверила, ага.

Я подаюсь вперед, заваливаю своего Аполлона на спину, теперь моя очередь быть сверху.

– Не возражаешь, малыш?

– Еще раз назовешь меня малышом – и я тебе язык откушу, моя богиня, – нахально откликается мой юный бог, а сам опускает ладони мне на талию, подталкивая меня к собственному члену. А мне оттянуть не дает, ни стыда, ни совести у мальчика.

Впрочем ладно, я все-таки не хочу тянуть. Хочу начать еще раз.

И я начинаю. Насаживаюсь, жмурюсь от удовольствия, чуть подаю бедрами вперед. Боже, как классно-то, а...

Раз – и расцветает разноцветный фейерверк на темном небе.

Два – и сладость разливается по языку.

Три – и... хлопает входная дверь.

И я, и мой Аполлон замираем, глядя друг на дружку, будто нас обоих застали на месте совместного преступления. И так и есть, на самом деле.

– Надя, у нас гости? – раздается из прихожей голос мамы. И перед моими глазами живо рисуется тот уровень бардака, что мы с моим Аполлоном оставили, пока распаковывали друг дружку из “обертки”. Более того, я прекрасно представляю там и свою майку, и его рубашку, слившимися на полу в акте той же страсти, что и их хозяева.

Упс...

6. Второй шанс

Самое смешное, что именно в этой ситуации мой Аполлон лишь крепче сжал меня за бока, натягивая на свой член. Черт, как же хорошо...

Зараза, черт возьми. Будто нарочно заставляет сделать что-то, лишь бы не пришлось прерываться. Хотя нет, не будто. Судя по бесстыже смеющимся глазам – он действительно провоцирует это нарочно.

– Ма-а-ам, – издаю я измученный стон запрокидывая голову, – а ты можешь сходить за хлебом?

И пусть хлеб у нас есть, я сделаю гренки, важен не батон, который мама купит, важно, что магазин от нас в десяти минутах ходу и туда-обратно и в магазине – это полчаса. Спасительные полчаса для моего недотраха.

– Могу, – с достоинством отвечает мама из прихожей. – Но будь любезна, не выгоняй мужчину, лишь бы мне не показывать. Кто-то должен съесть торт, который я возьму к чаю.

Входная дверь снова хлопает.

Боже, как я люблю свою маму...

– Какая ты умница, – одобрительно смеется мой Аполлон.

Ну, а что я могла сделать? Слезть с него, чтобы после следующего эротического сна умереть от огорчения?

– Ты поболтать пришел или все-таки будешь зарабатывать свой кофе? – нахально откликаюсь я.

На самом деле зря это делаю. Мой сладкий мальчик чуть подает бедрами вверх, толкаясь в меня сильнее. Боже, какой же кайф...

И мне радостно снова слышать его голос. Мне радостно видеть, как уже мое наваждение захлебывается воздухом от всякого движения моих бедер. Я бы затрахала этого дивного мальчика до инфаркта, если бы не считала, что мое совершенство должно жить безумно долго.

Рычи, малыш, рычи. И пусть эхо твоего голодного рычания рассыпается в моей душе гулко и звонко, как разлетаются по полу бусины. Рычи и бери меня, раз уж пришел, потому что сейчас я хочу тебя, сейчас я без тебя не могу, и даже не уверена, что в ближайшую пару месяцев смогу посмотреть хоть на кого-нибудь еще как сексуальный объект. Уж больно ты хорош, мой дикий Аполлон.

В моих венах струится имбирный сироп, не иначе. Течет и кипит, заполняя мой мир сладким горячим туманом.

Кто сейчас кого берет, кто сейчас кого дерет?

Каждая фрикция – мое затмение. Кажется, мой мальчик уже достал до моего дна, а я ненасытно пытаюсь взять с него еще больше.

Еще, еще, еще!

И так – до самого конца, пока не кончается воздух в моих легких, пока я сама не падаю на грудь моего юного страстного божества, истерзанная и восторженная.

Он хорош. Он ужасно хорош, настолько, что я кажусь себе хорошо прожаренной отбивной. Может, это просто недотрах так сказывается? Просто, давненько я такого состояния не припомню. Лет этак с двадцати пяти, когда только-только начинала понимать, что такое хороший секс.

Голова, раскаленная, тяжелая, будто наполнена углями. Сейчас – медленно остывающими. До этого – пылающими и обжигающими каждую мою мысль. И шевелиться неожиданно не хочется.

Сколько много бы я отдала, чтобы вот это вот все имело продолжение и дальше? Кажется, что много. На деле – ровным счетом ничего. Я в том возрасте, когда уже задалбываешься под-

гонять себя под какие-то требования другого человека. Вот она я – дважды разведенная, с дочерью, живу с мамой. Принимай как есть, милый, хотя ладно, я знаю, что ты не сможешь. Никто не смог. Ну, вот нет у меня каких-то таких достоинств, которые взяли бы и позволили.

С постели я слезаю первая. Мой дивный любовник еще лежит там, пользуясь тем, что мама явно очень старательно выбирает тот торт.

– Одевайся, мой сладкий, – улыбаюсь я, поднимая с пола его джинсы и кидая их ему. – Я бы и рада, если бы ты пил мой кофе раздетым, но, боюсь, ты не хочешь в таком виде знакомиться с моей мамой.

Вот вам первая проверка на вшивость. Первый шанс сбежать от меня своими ногами, выдать сейчас: “Ой, у меня дела прям срочные”. Все же знают, что знакомство с родителями – это вроде как “серьезный шаг”. Ну, нет, на самом деле бывает по всякому, бывает вот так, как сейчас, когда ничто не предвещало, но маме все-таки интересно, кого занесло в мою постель.

Мой Аполлончик встает с кровати, надевает джинсы, а потом подходит ко мне, оставившейся у мольберта с портретом Огудаловой. Зависла, размышляя над продолжением работы, даже пуговицы на платье не застегнула до конца – остановилась на третьей пуговке от горла.

– Не доделано? – спрашивает, опуская мне на плечо подбородок.

– Знаешь Огудалову? – вопрос на самом деле рассеянный, я не особенно заморачиваюсь на этот счет. Если водится с натурщиками – значит, в принципе должен был слышать.

– Ну, так... слегка, – мой горячий мальчик фыркает мне в плечо. Пальцы забираются под расстегнутое платье, начинают рисовать на моем животе завитушки, и вслед за пальцами разбегаются по моей коже горячие мурашки. Эх, а ведь я бы продолжила, если бы мама не должна была прийти с минуты на минуту. Эй, вызовите кто-нибудь сюда санитара с галоперидолом. Мне очень нужно. Успокоюсь я уже наконец или нет?

Чтобы отвлечься, иду в прихожую, собираю там разбросанные шмотки, возвращаюсь к моему незванному, но такому замечательному гостю, отдаю ему остатки его вещей. Застаю его у стола с моим угольным наброском, мальчик смотрит на самого себя весьма придирчиво, поэтому я не удерживаюсь, кусаю своего Аполлона в его такое дивное голое плечо.

– У кого тут длинный нос?

– Только нос? – Засранец оборачивается ко мне, забирая свою дивную бровку повыше. – А я-то льстил себе, что у меня везде все нормально с размерами.

– Ну ладно, не так уж и льстил, – милосердно улыбаюсь я и отправляюсь на кухню, ставить чайник.

– Предлагаешь мне верить тебе? – с рубашкой в руках мой Аполлон идет за мной следом. – Ты же сама мне ужасно льстишь, это я по одному только наброску вижу.

– Я художник, я так вижу, знаешь такую поговорку?

– Ага, знаю. – Я и не знала, что улыбка может быть настолько бесстыжей. – Так всегда говорят художницы, которые жутко льстят своим натурщикам и не желают в этом признаваться.

– У тебя было так много художниц? – вкрадчиво спрашиваю я.

– Ты единственная моя художница. – Мой мальчик спешно спохватывается, что сболтнул слишком много. Правильно. Не знаю, как все остальные, но я жутко ревнива, особенно в пределах моей кухни. Даже с учетом того, что планов на этого мальчика у меня нет. Трахалась-то с ним сейчас я. Чего это он про каких-то других художниц речь ведет?

– Тогда откуда знаешь?

– Говорю же, друг работает натурщиком, – выкручивается мой Аполлон виртуозно.

– Друг? – уняться мне довольно сложно. – Сам ты им как будто не работаешь?

Мой мальчик смотрит на меня с интересом, и я смутно начинаю подозревать, что все-таки ошибаюсь в том, кем его представляю. Впрочем, он сам виноват, со своими друзьями-натурщиками.

– Могу поработать натурщиком для тебя, – широко улыбается мне мой Аполлон. – Только платить ты мне будешь уже своей натурой. Договорились?

Все, не могу – смеюсь. И все-таки после хорошего секса и настроение хорошее. Даже не хочется выгонять этого дивного юношу. Хочется мурлыкать, обниматься с ним и, может быть, даже накормить его омлетом.

– Ты голодный? – я касаюсь одной из пуговиц его рубашки. – Будешь омлет?

– Из твоих рук хоть стрихнин.

Ой, ты ж, прелесть какая. Черт, и почему я не императрица и не могу себе позволить содержать фаворита, а? Дивный мальчик. Ей богу.

Мама, видимо, решила не просто сходить в магазин, но и сделать лишний кружок по кварталу. Потому что до её возвращения я успеваю не только омлет приготовить, но и его съесть. Ну, маму иногда беспокоит, что я столько лет обхожусь без мужика. Ну, а что поделать, если реальность замужества сильно отличается от того, что рисуется в мечтах.

Кто предупреждает о том, что у мужика может быть депрессия, и он может год слезать с дивана, только чтобы дойти до туалета? Кто предупреждает о настойчивом выносе мозга, даже когда муж знает, что тебе завтра нужно сдавать портрет, и ты после скандалов совершенно никакая и к работе не способна? Кто предупреждает, что обходительный вроде как мужик, может сорваться на твоей дочери, просто потому что она ему под руку подвернулась с вопросом, а у него на работе "проблемы"?

Нет, я не уверена, что этот мальчик тоже окажется слабым или психованным, я просто не хочу знать, что и у него есть изъяны. Хотелось бы запомнить его вот таким, страстным, открытым. Обнимающим меня и целующим в шею, пока я лопаткой перемешиваю омлет. Дурачащимся и пытающимся кормить меня омлетом с рук. Идеальным.

Жаль, не вышло, жаль, что он меня нашел, придется все-таки добавлять ему изъян.

– Что-то мама задерживается, – задумчиво замечаю я, наливая кофе. – Может, ты уже торопишься и тебе некогда ждать?

– Выгонять ты совершенно не умеешь, моя богиня, – ухмыляется мой Аполлон.

Во второй раз, возвращаясь, мама возится с ключами характерно долго и громко, будто давая нам время доделать все наши дела. Впрочем, я уже одета, мой Аполлон уже одет, и что самое парадоксальное – он никуда не пытается бежать. Ну блин. А я-то рассчитывала...

Мама заходит, снимает шапку с седых кудрей, смотрит на меня, уже сидящую на стуле в кухне. И на Аполлона, с чинным видом сидящего напротив меня.

– Ну, что, не выгнала? – с иронией уточняет она. – Какое счастье, а то я уже думала, на балкон мальчика выгонишь.

Выгонишь его, ага. Он же из тех, которых ты “в дверь, а они в окно”. Я вон три раза его пуганула знакомством с мамой, даже намекнула, что у него есть время убежать, а он упрямо пропускает все мимо ушей и неторопливо прихлебывает кофе.

– Ну, знакомь нас, Наденька, – проходя в кухню, мама ставит торт на стол.

И вот тут Штирлиц понял, что предусмотрел не все.

Я ведь так и не удосужилась спросить у этого дивного создания, как его зовут вообще. Так и именую его в уме Аполлоном, не желая, чтобы он мне вдруг сказал, что его зовут Вася, и мое дивное видение покроется патиной неприятной реальности.

Но не выдавать же: “Мама, это мальчик, я с ним пару раз перепихнулась, но как зовут не знаю. Можешь звать его Аполлошей, он не против”. Тем более, он наверняка будет против, нахаленок этакий.

– Это моя мама, Ольга Петровна, – выигрывая время, я начинаю с известной мне переменной в этом уравнении, – а это...

Блин, хоть бы догадался, в чем причина моих затруднений и этой неловкой паузы. Нет, я потом перед мамой объяснюсь, конечно, но именно сейчас неловкой ситуации хотелось бы избежать.

– Давид, – невозмутимо представляется мой любовник, поднимая на меня ангельские глазки. И...

И я себе чуть кончик языка не откусываю, глядя на моего Аполлона вытаращенными глазами.

– Seriously? – вырывается у меня изо рта. И плевать, что я сейчас спалюсь перед мамой, что слышу имя своего любовника впервые.

Давид – имя, достойное этого похожего на бога мужчины.

Давид – слишком редкое имя, чтобы внезапно в одной не очень узкой тусовке их нашлось много. Это Надь много, хотя Надежда Соболевская и одна. А Давид... Давид, на секундочку, в нашей тусовке один. Огудалов. Сын Тамары Львовны.

– Более чем, – явно ужасно потешаясь, откликается этот наглец. – Паспорт показать?

Капец. Кажется, я уже дважды потрахалась с сыном своей покровительницы.

На секундочку – с женатым сыном своей покровительницы.

7. Руки в деле

Первым делом, может, кто-то и скажет, мол, какая вам, Надежда Николаевна, разница, вы же вполне неплохо покувыркались с этим мальчиком, и без знания кто он есть, что у него, от наличия жены член отваливается?

“Жена же не стена, она может и подвинуться”, так?

А вот стена. Знаете, после того как оказалось, что мой диванный супруг за четыре года с рождения Алиски умудрился сменить три любовницы – у меня, знаете ли, аллергия на всех тех, кто делает своих жен и мужей рогоносцами. И это личный кодекс чести, не спать с женатиками. Типа, я, конечно, стерлядь редкостная, и нормальный мужик со мной рядом не задержится дольше пары недель, но никогда в своей жизни я с женатым не свяжусь. Не могу, не буду, не хочу.

Хотя обидно, блин, вот понимаете? Мальчик-то по-прежнему красивый. Хотя ладно, я же с ним ничего серьезного заводить не собиралась. Ни с ним, ни с кем другим.

О женитьбе Огудалова я знала по факту. Меня, естественно, на свадьбу не звали, я была не настолько близка с Тамарой Львовной, но пару лет назад мне рассказывали, как удачно Давид женился, какая там замечательная девочка и как она хочет поскорей родить Давиду сынишку.

Правда о самом сынишке Огудалова было ни слова не слышно, а я была уверена – даже если невестка вдруг Тамаре разонравилась – а было на это похоже, потому что восторгов после пары месяцев после свадьбы слегка поубавилось, то уж о рождении внука она наверняка бы не умолчала.

– У кого, ты говоришь, взял мой адрес, красавчик? У друга-натурщика?

Я бы не хотела сейчас видеть свою улыбку. В ней точно много голода и жажды крови. Даже Дракула не умеет улыбаться кровожаднее меня.

– Ну-у-у, – Давид лукаво возвращает мне улыбку, как зеркало. – Ты же все уже поняла, Надя, зачем спрашиваешь?

Боже, никогда в жизни не видела настолько бесстыжей физиономии.

– И не стыдно брать маму в сообщники?

Звонок был слишком подозрителен, если сопоставлять появление моего Аполлона с ним. Будто проверяли, дома ли я нахожусь, пока кое-кто собирался ко мне выезжать. Ну, или уже подъезжал к моим Мытищам, если брать во внимание наши утренние пробки.

И ведь, смотри, как прикидывался под ветошь.

“Знаешь Огудалову?” – “Ну, так, чуть-чуть”. Чуть-чуть он маму знает, ага-ага, вчера, поди, первый раз в жизни увидел.

Эй, дайте мне кто-нибудь пособие “Как не убить своего любовника за все хорошее. Для Чайников”. Мне очень нужно. А еще мне нужно бы назвать Давида козлом, но у меня язык не поворачивается.

Огудалов смотрит на меня с любопытством. Типа: “Стыдно? Мне? Серьезно, да?”

Это ж насколько у Тамары Львовны с невесткой не клеится, если она сыну помогает сходить налево.

Моя мама наблюдает за этим спектаклем с безмолвным интересом. Она любит спектакли, не зря работает контролером в театре. Кажется, в уме она уже все поняла и даже определила, кто станет убийцей в еще не совершившемся преступлении. Впрочем, да, это буду как всегда я, без всяких сомнений.

А эта нахальная рожа даже ухом не ведет. Встал, потянулся к прилепленным к магнитному держателю ножам, взял один и вернулся к столу, к торту. Кофе ему просто так не пьется,

видите ли. Нет, насколько мальчик хорош собой, настолько и наглость у него зашкаливает. Я и сама, честно говоря, слегка в шоке от такой наглости, наблюдаю, как он нарезает торт.

На моей кухне! Вот и шел бы к жене, на свою кухню хозяйничать!

А он меж тем снова шагает к раковине, сполоснуть тарелку из-под омлета и вилку и вернуться за стол снова, с четким намерением причаститься к торту.

– Ты мне, может, всю посуду заодно помоешь? – с нежностью голодной пираньи интересуюсь я.

Давид же косится на раковину с тарелками задумчиво. Да-да, там, конечно, не гора, но некая “холмистость” имеется.

– А ты мне улыбнешься? – ой-ой, какой прищур, какая мимика.

Блин, как унять в себе озабоченную портретистку?

– Ну, если ты все перемоешь – так и быть, улыбнусь. – А потом выгоню и, может быть, даже дам пинка своему совершенству на дорожку.

Но раз уж он меня попользовал по своим нуждам, чтобы “сбросить напряжение”, не грех и его попользовать по моим. Ну, хотя бы попытаться, что ли!

Вообще вот что за мужик. Я ведь не рассчитывала, что он всерьез встанет со стула, только прихватив вилкой второй кусочек торта со своей тарелки и отправив его в рот. Я вообще думала, что он соскочит, а в идеале засобирается домой или на работу. Ну, он же работает! Он же мальчик с личной фирмой, бизнесмен, крутой дизайнер интерьеров, все дела. Наверняка у него куча дел. Вот и катился бы уже по своим делам. А он не катится, вот вы представляете?

– Придется совершить подвиг, – вздыхает этот неопиcуемый герой и закатывает рукава своей белой рубашечки. А потом испытующе уставляется на посудомойку. Типа: “А на кой черт вся эта волокита, если есть же кому сбавить неприятный труд”. Ах, если бы все было так легко!

– Она не работает, – спешу “обрадовать” своего неожиданного раба я.

– А как именно не работает? – задумчиво уточняет Давид.

– Не сливает пену, – я пожимаю плечами.

– А мастера вызвать?

– Тот мастер, что к нам приезжал, настойчиво советовал купить новую посудомойку. Она, мол, старая, к ней деталей нет.

Мой (хотя нет, не мой, а жены своей) Аполлон фыркает и закатывает глаза.

– У тебя инструменты есть?

– Ты мне хочешь бардак на кухне устроить, малыш?

– Хочу пари, – Давид оборачивается ко мне, сияя широкой улыбкой, – если к вечеру твоя посудомойка заработает, ты со мной пообедаешь, богиня.

Тут уже мой черед смотреть на него испытующе. Дизайнер, который умеет чинить посудомойки? Звучит забавненько. В моем понимании сын Огудаловой рос таким золотым мальчиком, мажором, и вообще не знает, с какой стороны нужно брать за отвертку.

Нет, это по-прежнему смешно, обожешься. И в общем и целом, наверное, я переживу бардак на кухне, и посудомойке уже хуже не будет. Но я с удовольствием гляну, как этот мальчик, который так отчаянно пытается рисоваться, лоханется.

Нет, я слабо понимаю, в чем может быть причина поломки, но если он надеется, что тут починить получится одним только пинком по корпусу или просто поковырявшись внутри машины отверткой. Но может, если он опозорится – он быстрее свалит?

– Инструменты на балконе, в синем ящичке с ручкой, – невозмутимо информирую я, оттяпывая кусочек от того куска торта, что Давид уже положил на свою тарелку. – Сама я не понесу, мне тяжести противопоказано поднимать. Mam, отведешь юношу на балкон?

– Ну, кто-то же должен, – откликается мама, хотя тоже прячет улыбку. Меня она не отговаривает, мы вообще с ней такая своеобразная интеллигенция. Ей явно тоже интересно, что же выйдет из этого дурацкого пари.

– Найдешь мне какую-нибудь футболку на смену? Это тебе не противопоказано? – Нет, все-таки какой очаровательный засранец, а! И лыбится еще так широко, аж обидно, что сие сокровище все-таки придется возвращать жене. Даже немного неловко становится от тех мыслей.

Футболку я нахожу. Слоновых футболок у меня целая пачка, разных цветов и принтов. Я их покупаю в магазинах для полных сразу штук по шесть за раз. Зато как круто в них спать...

Давид в темно-синей просторной футболке вдруг становится таким домашним, таким своим, что хочется надуться. Вот везет же некоторым, а. Сколько он в браке? Три года? Сашенька за три года набрал двенадцать килограммов и даже это не мешало ему наставлять мне рога. А этот... Поджарый, юный, красивый. Паразит, блин.

Машину Давид действительно расчленил. Можно стрим снимать по тому, как разбираются посудомойки, причем я начинаю ощущать, что все-таки зря подозревала, что он лохается, разбирает машину он довольно уверенно.

Нет, обычные вопросы я могу решить сама. Если надо подвинтить дверцу у шкафа, к примеру. Но в вопросах, когда в руки надо взять что-то тяжелее отвертки, я обычно пасую и просто вызываю мастера. "Мужа на час", как они лестно о себе отзываются.

– А вы таблетками пользовались? – уточняет Давид, заглядывая внутрь посудомойки.

– Нет, только гелем, – этот ответ нашего Самоделкина устраивает, он кивает и снова замолкает.

Мы с мамой пьем кофе и переговариваемся на вполне нейтральные темы – например, почему она сегодня вернулась раньше.

И все-таки работающий мужчина – это прекрасно. Вот как хотите. Даже если ты до конца не веришь, что работает мужик по делу – но ты же посмотри, как он старается!

Честно говоря, хотела бы сказать, что подотвыкла от такой мужской черты характера, как стремление что-то починить, но я и не привыкала никогда. Саша в принципе что-то мог, но делал это редко, вечно откладывал на потом. И мастера не давал вызывать, типа "дома я мужик, нефиг тут другим шастать". А Паша... Ну, Паша это Паша. Он был птица высокого полета, дрель была для него варварским инструментом.

Впрочем, я расслабляюсь совершенно зря. Если Давид тут хирург, вскрывший мою несчастную посудомойку, то я медсестра, только я не скальпели подаю, а промываю под краном какие-то детальки. А потом подаю чистые сухие губки и полотенце, чтобы мой герой протер камеру изнутри.

Когда через сорок минут Давид с деловым видом вытаскивает свою голову из пасти посудомойки и смотрит на меня, я понимаю, что уже даже успела соскучиться по его дивным глазам.

– Принимай, – ухмыляется он, а сам идет в ванную мыть руки.

Принимаю я осторожно, если честно. Честно говоря, мне не верится, что все так просто взяло и разрешилось. Сколько она у нас стояла? Месяц? И мастер сказал, что там что-то важное сломалось.

И тем не менее... Посудомойка призывно мигает мне глазиком дисплея. И на цикл я её загружаю без особого рвения, все никак не могу поверить, что да, оно работает – а оно работает. Шумит. Ладно, подождем конца цикла и посмотрим, что там со сливом пены.

Давид возвращается на кухню, уже в рубашке.

– Что ты сделал? – с интересом спрашиваю я, когда после цикла мойки меня все-таки ждет "облом" и шапки пены у стока я не наблюдаю.

– Прочистил, – Давид пожимает плечами и расслабленно улыбается. – Ваш мастер, часом, не от магазина приезжал? Работать ему явно не хотелось.

За такой подвиг я даже наливаю ему лишнюю чашку кофе и даже яда в неё не добавляю, а надо бы.

Эх. Еще обиднее стало.

– Ну надо же, – мама смотрит на меня, округляя глаза. Мол, красивый, рукастый, чего тебе надо еще, Надя. Ах, мама, если бы все было так просто. И не сыпь мне соль на рану!

– Как много ты, малыш, умеешь делать руками, – не без одобрения замечаю я. Он ухмыляется, мол, это еще что, ты еще много не видела. Увы, и не увижу.

– А тебе не пора собираться? Мы ведь с тобой обедаем сегодня, – нахально напоминает Давид, – а время как раз для этого.

– Неа, не обедаем, – с легким сожалением откликаюсь я.

– Мы договаривались.

Легкая мрачность моему богу все-таки идет, ему вообще все идет, кроме жены.

– Обед – это ведь однозначно свидание, так?

– Какая умная богиня, – нахаленок прищипывает языком, застегивая верхнюю пуговицу на рубашке.

– Я не хожу на свидания с женатыми мужчинами, – категорично качаю головой я, внутренне вздыхая по самому факту женатости этого возмутительно красивого типа.

Мама за моей спиной округляет глаза, мол, как же так? Я чудом не развожу руками. Ну, я же не виновата, я же с ним вообще второго раза встречаться не собиралась.

Если сказать точнее, я в принципе не практикую свидания. Раз в год хожу на встречи, спасибо Тиндеру, что облегчил коннект, вспоминаю, насколько же гадость эти официальные отношения, и снова перестаю ходить на эти самые “свидания”.

Но сейчас речь не об этом и вопрос – не в этом.

А Давид смотрит на меня с интересом, склонив голову набок.

– А что ты обычно с женатыми мужчинами делаешь? Спишь? – не без толики ехидства уточняет он. Типа, ну поздно ты спохватилась, Наденька.

Поздно, не поздно, рефлексировать попусту не буду, не люблю, а вот снова в одной постели мы с тобой точно не окажемся, мой дорогой и прекрасный.

– И не сплю, – я пожимаю плечами. – Личный кодекс чести. Даже ради твоих дивных скул, малыш, я через себя переступить не буду.

– Какая жалость, – Давид трагично вздыхает, а потом смотрит на меня все с той же хитринкой, – какая жалость, что эта твоя отмазка не сработает.

Я поднимаю брови.

– То есть? Будешь мне врать, что разведешься и вот это все? О, а может, ты и не Огудалов, и не женат вовсе?

– Ну, почему, Огудалов я, Огудалов, – насмешливо откликается это бесстыжее создания, а затем все-таки идет в прихожую, вынимает из внутреннего кармана пальто коричневую книжечку. Кладет паспорт прямо передо мной, уже открытый на нужной странице семейного положения.

И такая знакомая мне печать регистрации расторжения брака.

Ой... Да я тут не одна "с пробегом"? Хотя, разведенный мужик – это лишняя галочка к сексуальности, почему-то. А разведенная женщина – почему-то вдруг становится второго сорта.

– Ведь я же тебе предлагал посмотреть мой паспорт, да, богиня моя? – коварно ухмыляется мой Аполлон. – А теперь, когда у тебя закончились возражения, сходи переоденься, будь так любезна. Ты должна мне обед.

Кажется, меня подловили...

8. Партия продолжается

В дивные глаза Давида я гляжу, испытывая острое желание взять и отравить это наглое совершенство. Ну, просто... Ну, не должен был он, такой красивый и такой восхитительный, ходить по земле ничейным. Я, понятное дело, “оформлять” его себе не собиралась, а кому-то другому отдавать такое чудо было немыслимо жалко.

Итак, мы закончили на том, что меня загнали в угол. Виртуозно обыграли моей же болтовней, и теперь – либо терять лицо и отмазываться, либо титаническим усилием воли тащиться на это свидание.

– Как же ты так сохранился, дорогой, что за полгода тебя не окрутил никто?

– Мне просто не встречалось богинь, – Давид улыбается мне улыбкой белоснежной и прекрасной, как у звезды, рекламирующей зубную пасту. – Так что, мы идем обедать?

Мама смотрит на это и безмолвно ржет, явно тоже получая удовольствие от того, как этот нахал меня уделывает. Эй, вот и где её женская солидарность, а? Почему все кровожадные тещи, которые порвут в лоскуточки за свою кровиночку, только в анекдотах?

– Идем-идем, – ворчливо откликаюсь я.

Не скажу, что мне прям очень долго придется себя уговаривать на это согласие. Но нужно все-таки вывести в итоге к тому, что это все последний раз, и ничего ему со мной не светит. Посудомойку починил – спасибо. Потрахались отлично – спасибо еще раз. Ну и все на этом. Иной валюты для благодарности у меня нету.

Паспорт Давида я листаю задумчиво. Ну, раз сам в руки впихнул, так грех ведь не запустить свой любопытный нос, так ведь?

Пять лет разницы. Забавно. Я думала меньше, и даже слегка надеялась, что ошиблась. Все-таки я больше тяготею к сверстникам. Но... В этот раз меня что-то понесло на молодую горячую кровь. Еще даже тридцати нет мальчику. Ну, спасибо, что совершеннолетний, мдя.

– Ты хорошо получаешься везде, даже в паспорте, Давид Леонидович? – насмешливо уточняю, протягивая паспорт своему Аполлону. Даже зная его имя, все равно так и тянет назвать его именно так.

– А ты всегда говоришь комплименты всем малознакомым мужчинам? – Давид иронично улыбается краем рта.

– Неа, – я пожимаю плечами, – но ты меня вдохновляешь, милый.

– Так ты пойдешь собираться, или мы пойдем так? Нет, я не против, мне ты нравишься и так, – малыш мурлычет вкрадчиво, обворожительно, до того сладко, что уже после этого хочется его съесть.

Нет, это не мальчик, это приворотное зелье какое-то. Стелет мягко. Настолько мягко, что кажется, будто я утопаю в пуху. Охохо, вот если бы еще мой жизненный опыт мне не говорил, что под мягким пухом всегда огромные шипы...

И отказаться бы, но я редко отказываюсь от таких сладких, но безвредных для фигуры десертов. Пусть. Пусть обед. Побуду рядом с ним еще пару часиков, наслажусь им еще чуть-чуть, посмакую это воздушное обаятельное чудо чайной ложечкой, а потом – обратно к холсту, мечтательно вздыхать и грустить, что явь бывает сном только в самом начале.

Впрочем... Впрочем, есть у меня проверенное средство, как отпугнуть излишне напористых юных кавалеров. И как только я о нем вспоминаю, с трудом удается удержать на губах насмешливую улыбку.

– Значит, обед, мой сладкий? – Давид явно начинает ощущать подвох уже в моем нежном голосочке. – Хорошо, только мы кое-куда зайдем, не возражаешь?

Он не возражает. Он с прищуром смотрит на меня, явно ожидая какой-то подлянки, и, о, да-а, он её получит.

Я иду переодеваться. С одной стороны, вроде, начало марта и ветер, но все-таки я хочу чуть-чуть подыграть мальчику, и поэтому влезаю, хоть в длинное и плотное, но платье. Бежевое. Вязаное. С плотными серыми колготками. С одной стороны, образ не самый сексуальный, но я не особо делаю на это ставки. Я бываю вот такая, и я точно не из таких, кто до свадьбы не слезает с каблуков, и только после позволяет себе надеть кеды. Кеды – это удобно. Особенно когда ты мать шепутной одиннадцатилетки, и иногда тебе жизненно необходимо сделать марш-бросок на другой конец детской площадки, потому что твое “взрослое и самостоятельное” чудовище полезло туда, откуда сама не слезет.

Но так и быть, я все-таки иду на свидание, поэтому надена ремешок. И так и быть, ботинки будут на каблуке, благо я тут в кои-то веки умудрилась купить ботинки с действительно удобными каблуками. Такое случилось в первый раз, я думала, что если в отзыве пишут про удобство каблуков – то отзыв точно оплаченный.

Хотя, наверное, не стоило так заморачиваться, если я хочу, чтобы в итоге мальчик от меня отстал раньше, чем я успею в него вляпаться. Сейчас уже слегка да, но пока еще контролируемо. Я еще не хочу за него замуж и трех детей, значит, все под контролем. Хотя ладно, когда я в последний раз вообще хотела замуж-то? После Вереяского у меня на это все аллергия: стоит заговорить про замужество – сразу начинает подташнивать.

Впускать в свою жизнь чужака?

– Надя, мне забрать Алиску? – шепотом спрашивает мама.

Шепотом. Вот в этом вот все. Она тоже уверена, что Алиску надо скрывать, ну “хотя бы поначалу”. Почему – мне непонятно. Что изменится, если мужчина только через пару недель узнает о том, что у меня есть дочь? Или через пару месяцев?

Хотя, не скрою, этот вот идиотизм на полном серьезе считался “нормой” среди разведенков. Да что там, девочка без детей отчаянно стеснялась штампа о расторжении брака, а с детьми...

Я не хотела скрывать Алиску. И вообще мое высокомерие меня чаще подмывало задрать нос и сказать, что это мы с Алиской делаем одолжение и рассматриваем мужчину, как кандидата на прием в нашу с ней семью, а не мужчина нам делает это одолжение. Потому что у меня уже все выстроено и настроено без мужика. Чувак, который купит хлебушка, мне уже и не нужен.

– Нет, мам, не надо, – вздохнула я, подкрашивая губы. Вот вроде и не собиралась никак с мальчиком продолжать, и вообще была уверена, что он уже через сорок минут будет выдумывать убедительную причину для отступления. А помада – яркая, карминовая, глянцевая.

Мама кивает и уходит в свою комнату. Нормально мы поболтаем вечером, когда я вернусь с Лисой с этого “свидания”, ну или через полчаса – если мой идеальный сладкий мальчик все-таки сорвется.

А мой Аполлон, соскучившись на кухне, является ко мне и без особых прелюдий стискивает меня в своих объятиях, зарываясь лицом в надушенные волосы.

– Почему мне тебя так мало, скажи? – шепчет он, скользя пальцами по моей спине.

А я не знаю. Мне вот мало его. Настолько, что сейчас я и сама так и тянусь к нему, так и тянусь, трусь носом об его небритую скулу.

Тысячи колких искр между нами, в воздухе вокруг нас, поэтому, когда он рядом – мне сложно дышать. Лишь он меня спасает – передает свое дыхание, рот в рот, губы в губы... Вкусный мальчик, дайте ножик – отпилю себе кусочек на память.

– Идем, а то мы никогда не выйдем, – я кошусь на часы. Уроки у Лисы кончаются через полчаса. Только-только одеться и пойти.

А на улице – весна, кипит, уже согнала с тротуаров весь снег, и у самого подъезда две вороны воюют за брошенную кем-то мимо урны пачку сухариков.

Мой Аполлон рисуется, мой Аполлон подмигивает мне фарами своей выпендрежно-брутальной тачки, не вынимая руки из кармана пальто. Я чудом не закатываю глаза от такого мальчишества. Ребята-пацанята, одни-то машинки у вас на уме...

– Включи сигнализацию обратно, милый, – милосердно улыбаюсь я и прихватываю своего спутника за локоть. – Тут недалеко, мы и пешком дойдем.

– Уверена? – Давид красноречиво косится на мои каблуки.

– Я на них как-то пять километров прошла, – я пожимаю плечиками. – С тех пор я в них верю.

– Как тебе вообще дают столько ходить пешком? Богини должны передвигаться только на руках своих адептов.

– Сладкий мой, ты случайно в конкурсе “Льстец года” не участвовал, а? – я смеюсь, пока душа приплясывает в такт солнечным зайчикам, разлетающимся от этой яркой, бесстыжей улыбки.

– Решил, что я в этом конкурсе слишком легко выиграю, – в тон мне откликается этот коварный солнечный лис, явно знающий цену собственному обаянию.

– Ну, легко не легко, а номинация за самую беспардонную лесть точно была бы твоя.

Я играю в опасную игру. Мне нравится этот мальчик все сильнее и сильнее. Нравится, что он не лезет за словом в карман и не нужно особенно упрощать свой язык, чтобы с ним разговаривать. Умный мальчик, все понимает с полуслова. И снова: “Эх”. Люблю умных мужчин. Даже сильнее, чем красивых. У этого сладкого мальчика вообще есть недостатки, или я их из-за розовых очков не замечаю?

– Я все хочу спросить, ты на каждой своей выставке кого-нибудь соблазняешь?

– А если я тебе совру? – хихикаю я. – Ты ведь не узнаешь.

– И все-таки, – настырно насаждает этот несносный элемент. Ох, милый, ты еще спроси: “Сколько мужчин у тебя было до меня”. Дурацкий вопрос, на который невозможно дать правильный ответ, если ты не девственница.

– Значит, Давид? – спрашиваю я, когда до школы остается преодолеть всего лишь один дом. – Все хочу спросить, тебя так называли, потому что твоя мама очень любит творчество Микеланджело?

– Это потому что моя мама очень любит моего дедушку, – тоном профессионального лектора сообщает Давид.

– Она же Львовна, – я на секунду зависаю, припоминая отчество дорогой покровительницы.

– Дедушку по отцу, – Огудалов явно доволен тем, что я поняла не сразу. – Это же он оставил матери дом и основную часть своего состояния.

Какая прелесть. После развода сына решил поддержать бывшую невестку, родившую внука? Я вот слышала абсолютно зеркальный пример, когда отец подарил квартиру молодоженам, вот только – не дочери, и не паре напополам, а мужу. Типа если дочка не хочет остаться без крыши над головой – пусть держится за брак. И муж, естественно, отказался переигрывать напополам. По-честному мало кто любит играть, увы.

А мы меж тем подходим к Алискиной школе. Яркое здание, современное. У них даже бассейн в школе есть, и это, между прочим, вообще ни разу не частное заведение. По-честному, я Алиске немного завидую. Ей реально повезло. Я училась в скромной школе на окраине Сергиева Посада, это потом мои родители решили переехать в Москву. И у меня не то что бассейна в школе не было, но и отдельного спортивного зала, физкультурой мы занимались в актовом. Убойное сочетание бархатных портьер занавеса и волейбольной сетки до сих пор будоражит мое воображение.

Пропускной пункт в Лискиной школе – это не обычная вертушка, это дверь с домофоном. И обычно нужно, чтобы скопилась кучка родителей, чтобы выглянул дежурный учитель

или консьерж, но непоседливая мелочь из четвертого класса вечно скапливается рядом с консьержем и выжидает – кого же заберут первыми. Так что все что мне нужно – только позвонить.

– М-м-м, школа? – Давид приподнимает бровь. – И что мы тут забыли?

– Не что, – спокойно откликаюсь я и нажимаю на кнопку. – А кого. Мою дочь, Давид.

За этим следует долгая пауза, в ходе которой Лиска торопливо где-то там надевает куртку и хватает портфель, а я смотрю на своего юного бога чуть насмешливо. Огудалов тоже смотрит мне в лицо испытующе. Будто не может поверить в то, что я ему сказала. Да, да, вот так вот легко.

И вот смотрю я в его красивые глаза, мне так и хочется сказать: “Беги, мой Аполлон, беги скорее”.

Потому что я очень сомневаюсь, что такой головняк, как тетенька с прицепом, действительно нужен моему юному и прекрасному богу.

Я ведь все понимаю. Чужой ребенок – это вам не хухры-мухры. Да и зачем воспитывать чужого, когда можно заделать своего? Любимый вопрос всяких самцов, что изредка забежали ко мне на встречи и даже пытались разговаривать о чем-то дальше одноразового секса. Вот. Они заговаривали, я озвучивала условия своей задачи и наблюдала поспешное отступление.

Вот не укладывалось в птичьих головенках этих самцов, что Алиска – это моя плоть и кровь, моя семья. И относиться с пренебрежением к ней – это относиться с пренебрежением ко мне. А тот, кто относился с пренебрежением ко мне, – мог сразу идти лесом-лесом, полем-полем, и желательно – обходной дорогой.

– Если захочешь отказаться от обеда, можешь оправданий не выдумывать, – мило улыбаюсь я.

– Ну, ты размечталась, моя богиня, – насмешливо откликается Огудалов.

Упрямый какой. Значит, не хочешь сдаваться, Давид Леонидович?

Ладно, погоди, мой сладкий, еще не вечер. Я все равно заставлю тебя сбежать. Ну или мы заставим.

9. Фигуры в игре

– Мамочка! – Моя Лисица вылетает из школы пулей. – Ты сегодня рано.

Ох, Лиса, не сыпь мне соль на раны и не сдавай козыри всяким любопытным богам, а то вон он стоит, глазами поблескивает, уши во все стороны развесил. Красивый, паскуда...

– Ну что, идем домой? – Лиса с солидным видом поправляет на плечах лямки ранца.

Нет, нет, за руку не возьмется – вот еще, за руку только первоклашки берутся, разумеется. И никаких обнимашек, Лисица ж у меня серьезный блоггер, серьезные блоггеры с мамами у школы не обнимаются. А попробуй, чмокни её тут – под камерами, она ж мне потом весь мозг сожрет: “Мама, вот что ты делаешь...”

Что-что! Коварно люблю свою дочь. Впрочем, ладно. Сегодня коварной я не буду. Сегодня нас ждет внезапное, потому что мне, блин, надо сказать Алиске, что мы сейчас пойдем поесть на халяву и представить ей – за чей счет этот весь кордебалет происходит. И... Желательно, чтобы она мне помогла, как она умеет.

– Лисица, знаешь, я хочу тебя кое с кем познакомить, – мягко улыбаюсь я и подвожу Лису к своему настырному Аполлону. – Давид – это Алиса, моя дочь. Алиса – это Давид Леонидович, поздоровайся.

– Здравствуйте, Давид Леонидович, – ой-ой, как невовремя Лиса включила ангелочка. Или что, обаяние моего очаровательного божества зацепило и Лису?

– Мама, вот ему ты сказала, кто я тебе, а мне – нет, – педантично улыбается кровь от крови моей. – Давид Леонидович – он кто? Мой новый папа?

Это гениально! Вот правда. Лиса, какая ты у меня молодец. Это ж, черт побери, прекрасно!

И я уже вижу офигевшие глаза Давида, который еще вчера меня впервые в жизни увидел, а сегодня моя дочь спрашивает вот такое.

А я тебе говорила: “Беги, мой мальчик”? Кто виноват, что ты такой непослушный? Вот! Наслаждайся!

Хотя вопрос, если честно, ставит в тупик и меня. Я не успела придумать, какой статус отношений с Давидом я обозначу Алиске. Ну, не говорить же: “Это, доченька, мальчик, который вчера очень понравился твоей маме. А сегодня твоя мама вовсю пытается от него отделаться”. Ну, Давид же тут стоит. И все слышит, ага. И нет, я не настолько хочу от него отделаться, чтобы позволить себе вытереть о свое дивное наваждение ноги таким образом.

– Друг, – мой Аполлон находится быстрее меня и произносит это, глядя прямо в глаза моей дочери, – я твоей маме друг, Алиса, – переводит свои невозмутимые глаза на меня и улыбка его снова становится бесстыжей. – Мы очень тесно дружим...

Теснее некуда, ага.

Господи, как не ржать в этой ситуации? Особенно когда видишь Алискин покерфейс, в котором буквально сквозит: “Да, да, конечно, прямо мать моя со всеми подряд друзьями меня знакомит”.

Обычно не доходит до этого дела, ага.

– Лиса, а где шарф?

Алиска чуть втягивает голову в плечи. Ну, ясно.

С утра нам показалось, что на улице весна и слишком тепло для шарфа. Ведь шарф в начале марта носят только лузеры, да? А ранняя весна – девочка капризная, погода успела смениться за половину дня и теперь на улице ветрище, и даже я зябко ежусь немного.

Еще спасибо, что из школы она вылетела в застегнутой куртке, а то “я же могу и вообще без куртки пройти, мне не холодно”. А я потом пытай её полосканиями горла, я ж палач, а Лиса – она совсем не виновата, что носилась по улице в не пойми каком виде.

Свой шарф я вяжу на шею Лисы, мстительно заматывая её по самый нос. Вот если заметит её Ваня Новиков из параллельного в таком виде – так ей будет и надо. Я даже замораживаюсь, чтобы завязать тот шарф помудреней, Лиса любит всякие выпендренные узлы.

– Помаду забыла, Лиса? – тихо улыбаюсь я, окидывая дочь критическим взглядом.

Помада простенькая, гигиеническая, с легким перламутровым блеском, но на самом деле даже этого достаточно “для настроения” одной одиннадцатилетней будущей вертихвостки.

Лисица шарится по карманам куртки, я заканчиваю свою операцию по спасению популяции человеколис от эпидемии ОРВИ.

– Идемте, – наконец я готова к старту. Режим сканирования мамы-терминатора выключен, все неполадки устранены, мой дитеныш готов к тому, чтобы совершать пешие марш-броски на краткие расстояния.

– Да-да, сейчас пойдём, – ласково откликается мой Аполлон, а на мои плечи опускается бежевый шарф. Его шарф. Мягкое кашне, насквозь пропахший моим юным прекрасным божеством. Его пряным парфюмом и им самим. Черт, да я же сейчас уткнувшись носом в ткань, еще хранящую тепло кожи Давида, и буду вдыхать его запах до тех самых пор, пока не потемнеет в глазах.

– У тебя шарф лишний завелся? – насмешливо уточняю я, окуная нос в нежный кашемир.

– Неужели не вернешь? – Давид в деланном ужасе округляет глаза. Я качаю головой. Неа. Я – гнусная похитительница божественных шарфов. А дома спрячу шарф под подушку, чтобы нюхать его по утрам...

– И совесть не будет мучить?

Так и хочется сделать большие глаза и спросить: “Совесть? А что это?”

– Совесть по накладным это проведет как трофей, – я позволяю себе скромную усмешку. – Она у меня не очень по части угрызений.

– Я заметил, – Давид ухмыляется и поворачивается к Алисе. – Алиса Павловна. Я приглашаю вас на обед, куда бы вы хотели пойти? Что бы вы хотели съесть?

– В торговый центр! Я хочу Хэппи Мил. – Алиска не я, Алиска знает, чего хочет. Торговый центр у нас тут, кстати, тоже есть, всего-то километр пешим ходом. Нет, я не против Хэппи Милов, они у нас по праздникам бывают.

Уходим мальчика, который привык передвигаться на тачке так, чтобы у него, если не ноги отвалились, то хотя бы до того, как он запросит пощады. Коварный план? Отличный план!

Вообще из последней реплики Давида я делаю два вывода.

Во-первых, я связалась с чистой воды шулером, казановой и мошенником, который не постесняется очаровательно улыбнуться даже моей одиннадцатилетней дочери и подыграть ей, доверив выбор места для обеда – она же сейчас высоченно задерет свой носик от такого очешуительного доверия.

А во-вторых... Павловна... Он знает Алискино отчество... Которое я ему не говорила.

– Скажи мне честно, ты знал, что у меня дочь есть? – шепотом уточняю я, пока мы неторопливо шагаем к школьным воротам.

Мой Аполлон не отвечает, лишь только удовлетворенно улыбается самым краешком своих дивных сладких губ. Задеваю их взглядом, и горло сводит алчной жадой. Хочу его поцеловать. Хоть украдкой хлебнуть медового глинтвейна, что таится на кончике языка Давида...

И все-таки: черт, черт, черт!

Хотела оглушить, напугать его неожиданностью, серьезными проблемами в лице уже почти взрослого ребенка.

А выходит, что Давид уже этим утром знал исходные данные моей задачи. Разведчик, блин. И Огудалова тоже, блин... Шпион. Все выдала. Ну, понятно, что она выдала эти исходные данные не кому-нибудь, а собственному сыну, но что это Тамара Львовна творит вообще? Неужели её устраивает, что сын ухлестывает за художницей-нищеводкой? А я – оно самое,

хоть с первого взгляда и не скажешь. Жить, конечно, можно хуже. Но этот постоянный нервяк, зависимость от заказов, отсутствие толковых сбережений... Ну какая из меня ровня сыну Огудаловой?

Ну и ладно, пусть Давид теоретически представлял, с кем пытается замутить, а готовила ли его жизнь практически к болтовне Лисы? Это вряд ли, тем более, что моя восхитительная дочь без всяких лишних просьб переходит в режим “супер-болтливая лисица” и сейчас торопливо выплевывает реплику за репликой, рассказывая, как день в школе прошел. Как Ваня подарил ей ручку с розочкой. Как Наташка офигела, когда услышала, что Алиска будет косплеить Блум. Как Ленка из четвертого “В” выпендривалась, что последние Лисы рисунки в блоге, мол, неинтересные. И как её завалили дизлайками ребята из группы поддержки Лисы.

Битва дизлайками... Ну хоть так отношения выясняли, в моем детстве не обошлось бы без девчачьей драки, чего я точно своей дочери не желала. Да и сыну бы не пожелала, вопреки такому популярному мнению, что “мальчик должен драться”. Ага, чужой, наверное, и должен. Но только с чужим ребенком. Не с твоим.

– А ты рисуешь, Алиса? – неосторожно спрашивает Давид, а я внутренне коварно улыбаюсь.

Лиса оборачивается к нему, и в её глазах вспыхивает такое хорошо знакомое мне пламя. Так всегда бывает, когда Лиса видит еще не завербованного в свой фан-клуб человека.

Ведь бложик-то у Алиски не простой, бложик-то у Алиски творческий. И косплей – там только одна рубрика, которую мы обновляем раз в пару месяцев. Все остальное у Лисы посвящено рисункам.

Алиска рисует комиксы про котов. Такие простые, домашние, акварельные, и безумно уютные.

Первого такого кота она нарисовала в пять лет, и конечно, тогда он был гораздо менее техничен, чем выходят кошки у моей дочери сейчас. Но я все равно возгордилась, что у меня такая дико способная дочь.

Иногда Алиска даже проводит в своей школе мастер-классы по рисованию этих самых котов. Реально иногда – чтобы саму себя не перетруждать, но и чтобы поддерживать авторитет крутой арт-блоггерши.

Алиска рассказывает все это. Звонко, тараторя, перескакивая с первого на десятое, а с десятого на третье, попутно показывая фотки из блога. У Давида – то ли голова кругом идет, то ли он просто так достоверно восхищение отыгрывает, но слушает он внимательно, фотки смотрит с интересом.

– И кто из вас талантливей, скажи мне, богиня? – укладкой шепчет мне Давид.

– Лиска, конечно, – без сомнений отвечаю я. Я в её возрасте так не креативила.

Я даже не знаю...

С одной стороны, облом, я не вижу в мимике моего юного бога ни капли раздражения, ни грамма недовольства. С тем же Верейским – я видела странные мимические реакции, так он тогда морально готовился к знакомству. Но я тогда понадеялась, что “он еще привыкнет”, по дури-то молодой да безмоглой... С Давидом же мне совершенно не за что зацепиться, нет повода послать его резко и бесцеремонно.

И нет, еще рано делать выводы, невозможно увидеть, как мог бы проявить себя Давид в будущем, если ему вдруг предстояло общение с моей дочерью на правах члена семьи.

С другой стороны, хочешь, не хочешь, а не обращать на это внимание я не могу. Мальчик точно лучше Верейского... Хотя, это я и так знала. Интуитивно ощущала. Сейчас, когда моя интуиция уже не просто тыкает пальцем в небо, принимая свои решения, а анализирует для своих решений целую кучу факторов, я ей чуть-чуть доверяю.

И все равно, нет. Ну блин, ну не бывает так. Я понимаю, он старается. Не пойми зачем, но ведь старается же. В жизни он точно не такой, ковырни чуть поглубже – и уже не будет ему так интересно слушать трескотню чужой ему одиннадцатилетки. Не своя же!

Ладно. Пусть, в первом раунде явно ведет Давид, но я уже в выигрыше – у меня его шарф в заложниках. И мне на самом деле это в кайф, я правда Давиду тот шарф не отдам. Обойдется. Откушу ему руку, а шарф себе оставлю. А обед... Обед еще даже не начинался. Посмотрим, как мой дивный мальчик переживет его.

10. Гроссмейстер ставит шах

Ну фудкорте торгового центра неожиданно шумно для буднего дня. Кто-то мутит какую-то движуху. То ли мастер-класс, то ли что-то еще. Почему они вдруг устроили это сегодня? Да без понятия, акция какая-то. Экологическая. Потому что девочки, что бегают между столиков с аквагримом, разрисовывают мелкоту в основном под зверят всяких. Леопардов, там, коал. О, не только разрисовывают, но и учат аналогичному за отдельную доплату. И конечно, пожертвования собирают. Ясно.

Кошелек в сумке я нашариваю не глядя, еще до того, как Лиса обернулась ко мне с огромными вытаращенными умоляющими глазами. Котик из Шрека и рядом не стоял с моей Лисицей и её умением корчить умильные рожицы.

– Будешь должна, – предупреждаю я дочь, вытягивая из кошелька купюру, – и только одно из двух, мастеркласс или разрисовка, договорились?

На большее Лискиных накоплений точно не хватит. Нет, если бы этот весь движ был после воскресного выгула с папой, хватило бы, конечно, от папы Лиса приходит вечно с пяти-соткой в кармане, сейчас-то Паша “может себе позволить” баловать дочь. Ага, сейчас – может. Баловать. А вот алиментами побаловать меня ему, что, религия не позволяет? Через пень колоду платит, и то после того, как я уже зверею и начинаю собираться в сторону суда.

Лисица смотрит на сотню в своей руке, задумчиво взвешивая, что ей нужнее. Что же победит: практический навык или эстетическое желание походить с расписанной под какую-нибудь дикую кошь мордашкой и порычать на окружающих. Лично я бы выбрала последнее, практический навык нам нафиг не сдался.

Можем мы и сами лица расписать усами.

Художница в третьем поколении Лисица Павловна Соболевская тоже пришла к этому выводу. Поэтому встала в очередь к первой попавшейся нам на пути “панде”, на столе у которой были разложены палитры и кисточки для аквагрима.

Я же падаю за столик в двух шагах от “панды”, чтобы не терять Лису из поля зрения. Нет, она у меня девочка большая, но все равно. Один раз я её в торговом центре потеряла. И да, повторять эти незабываемые ощущения, чтобы снова ощутить себя самой паршивой матерью на свете, я не очень хочу.

Совершенно случайно вспоминаю, что я тут вообще-то не одна, раскаиваюсь, оборачиваюсь к Давиду. А он стоит уже рядом с моим стулом и смотрит на мельтешащую вокруг него толпу мелкоты с еле заметным в его сдержанной улыбке удовольствием.

– Ты замечтался, мой Аполлон? – спрашиваю я, касаясь его ладони кончиками пальцев.

– Задумался, – Давид кивает, будто выныривая из размышлений, а потом смотрит на меня так, будто замыслил коварный план. – А вот я хочу мастеркласс, пожалуй, что думаешь?

– У кого-то в детстве были только деревянные игрушки? – я слегка закатываю глаза. – Ни в чем себе не отказывай, милый.

– Отлично, будешь моей жертвой, – ослепительно улыбается Давид. Бесстыжая морда, а!

– Эй, мы так не договаривались! – запоздало восклицаю я, а его уже и след простыл – нашел-таки свободную девочку с аквагримом и притащил к нашему столику.

– Ну что, Надя, ты готова?

Это что, тест на безрассудность? Он хочет проверить, насколько я светская или не светская львица? Хотя не, по-моему, мальчик просто развлекается, шило у него в ягодице засело прочно, без опытного хирурга и не извлечешь.

– Если я дам себя расписать, потом – я распишу тебя, – невозмутимо отбиваю я его подачу. – Готов ли ты к взаимности наших чувств, мой мальчик?

– Более чем, – Давид кивает девочке с аквагримом, а сам ставит стул рядом со мной, – глаза закрой.

Судя по блестящим глазам – мальчик задумал какую-то пакость. Ну, он достаточно взрослый, вроде, для того, чтобы не рисовать у меня на лбу что-то неприличное, посмотрим, что там он задумал.

Глаза я закрываю и стягиваю с шеи шарф Давида, свое сокровище, перекладываю его к себе на колени.

– Я буду подглядывать, мне надо следить за Алиской, – честно предупреждаю сразу.

– Я сам за ней подглядываю, если что, – тут же откликается мой Аполлон, поймавший вдохновение. Категорически не хочет, чтобы я подглядывала.

– Если она потеряется...

– Богиня, будешь много болтать – я тебе усы криво нарисую. Не потеряется Лиса. Я слежу. Сейчас она – третья в очереди.

Никогда в жизни не оказывалась чьей-то натурщицей, никогда в жизни не давала на себе рисовать. Разве что Алиске, в возрасте пяти лет, когда она рисовала на моих запястьях сердечки. Аллергия правда у меня тогда вылезла на фломастеры, но я, в общем и целом, пережила этот апокалипсис.

И вообще это довольно забавное ощущение, когда кисточка порхает по твоему лицу и на него ложится легкая, невесомая краска. Щекотно и приятно. Надо будет маску, что ли, увлажняющую сегодня сделать, раз я так издеваюсь над собственной кожей.

Девочка рядом с моим Аполлоном молчит и вообще, кажется, куда-то свинтила, потому что советы этому мальчику не очень и нужны. Ну, не удивительно, я примерно представляю, как нарисовать на лице какую-нибудь кошачью мордочку, понимает и Давид, он ведь дизайнер, какие-то базовые рисовальные навыки у него должны быть. Да и Огудалова утверждала, что в своей еще более юной юности её сын отличался талантом к рисованию. В художники не пошел, решил использовать свои навыки в чуть более приземленном ремесле.

И на самом деле – сейчас я ловлю внезапный кайф, будто зашла к парикмахеру и пытаюсь не заснуть в кресле, пока мне перебирают волосы. Только не волосы – а лицо.

– Готово, – удовлетворенный голос Давида будит меня, заставляет очнуться от легкого транса.

Алиска уже тут, сидит себе на стуле, улыбается мордочкой снежного барса, и тянется ко мне со своим девчачьим зеркалом.

Ну, с богом, да? Надеюсь, он разрисовал меня не под клоуна. Он же помнит, что у меня будет возможность ему отомстить?

А из зеркала на меня глядит что-то рыжее и бесстыжее с белыми и черными полосами.

– Тигрица? – я поднимаю брови, глядя на свое лукавое божество, что уже в открытую ржет. – И почему тигрица?

– Потому что, – иногда одного подмигивания достаточно, чтобы понять весь смысл похабного намека. Целоваться при Лисе нельзя, так хоть так, да?

– Ой, ладно, мой Аполлон, не лсти моим талантам, – смеюсь я и накладываю лапу на кисти для аквагрима. Их хозяйка пасется рядом с уже расписавшей Лису “пандой”, мне кивает, кажется, ей оплатили за троих, поэтому она и не против подобного покушения на свои красочные материалы. Это она зря, потому что её запасам белого сейчас не поздоровится.

Я терзаю мужественно подставившегося моим злым лапкам Давида со вкусом. Даже кончик языка высунула, до того старалась породить на свет произведение искусства.

– Ты решила расписать меня всего, богиня? – хмыкает Давид. Ну, да, он-то мне только верхнюю часть лица разрисовал своими полосками, а я уже и вокруг его дивных губ кисточкой не один раз пробежалась.

– А разве меня кто-то ограничивал? – фыркаю я, а затем чуть откидываюсь на спинку стула. – Готово, кстати.

Давид открывает глаза, и смотрит на меня... А я пытаюсь не заржать, потому что да, этот его пристальный взгляд из-под бровей его образу очень подходит.

Ах, какая жалость, что мой мальчик не рыж, тогда бы образ клоуна-убийцы Пеннивайза удался бы на все сто. Впрочем ладно, и так прекрасно. Девочка, забравшая аквагрим, тайком показала мне большой палец.

Давид рассматривает свое отражение в зеркальце придирчиво, будто сложную, построенную на очень тонких аллюзиях картину.

– Я что, такой страшный? – скептически уточняет он. – Думаешь, уволуку тебя в подвал и съем?

– Да кто тебя знает, ты подозрительный. Адрес, вон, мой раздобыл. Маньяк, поди. Просто хорошо притворяешься лапочкой, – смеюсь я. – Кто-то хотел меня покормить. Не помнишь такого человека?

– Что-то припоминаю, – Давид снова смотрит в зеркальце, – как думаешь, я достаточно страшен, чтобы выбить скидку на кофе?

– Увы, мальчик мой, тебя так сложно испортить. Я так старалась, но у меня не вышло. Придется тебе обойтись без скидки, – трагично вздыхаю я.

Мой Аполлон смотрит на меня слегка кровожадно. Кажется, его раздражает мой снисходительный тон. Еще бы я собиралась что-то менять. В конце концов, я все еще заинтересована в том, чтобы сия очаровательная физиономия перестала маячить на моем горизонте. Я ведь и всерьез влюбиться могу, а не понарошку.

– Какое подношение примет моя богиня?

Эта его очаровательная улыбка – совершенно незаконный приём. Его за неё должны привлечь к ответственности, как за использование психотропных средств. Даже раскрашенный под вышедший их ужасика жутик этот поганец немислимо обаятелен. Вот за эту улыбку ему, пожалуй, скидку бы сделали...

– Кофе. Самое большое ведро капуччино что найдёшь, – отпечатывая на поверхности души эту улыбку, откликаюсь я, и уже потом, когда он задумчиво поднимает брови, удивляясь такому странному обеденному меню, добавляю: – и чизкейк.

– Богиня, не ешь чизкейки в торговых центрах, – ухмыляется Давид, – они тут совершенно ненастоящие.

– Ну, чтобы есть чизкейки в Нью-Йорке, я ещё не накопила, – я развожу руками.

Заказ у меня скромный, но есть на самом деле не хочется. Я будто и сыта, и пьяна уже только потому, что мой Аполлон рядом со мной.

Я догадываюсь, что можно найти куда-то и поромантичнее сходить, и не обязательно воровать картошку фри из заказа Давида, но честное слово... Не всегда и не всем есть настрой для ресторанов. Мне сейчас здесь хорошо – фоткать Давида, который совершенно пошел в отрыв. Где еще увидишь такое зрелище, а? Бизнесмен, взрослый мужчина, известный в Москве дизайнер интерьеров и косплеит вампира, используя картошку фри вместо клыков. И как не угорать от обезьянящей с этого убойного персонажа Лисицу, сразу превратившейся из простой снежной барсицы в саблезубую. С таким стыдно не сделать селфи. А я – делаю. И с ним, и с Лисицей, тут же радостно влезшей в кадр.

Потрясающий мальчик. Где его такого прятали? И как это с ним бывшая жена так лоханулась? А я-то на полном серьезе думала, что он будет весь такой серьезный, супер-воспитанный – я же знаю его мать, Огудалова даже чай пьет, интеллигентно оттопырив мизинчик. А этот... Пытается кормить меня картошкой фри с рук и заявляет, что это ему компенсация за то, что я вообще ем его картошку. Ух, так бы и откусила ему что-нибудь. Ухо, например!

Боже, да Лиса даже глаза не закатывает, глядя на нас. У неё же, как у многих деточек её великого возраста, первый инстинкт, при виде парочки взрослых брезгливо сморщиться. Типа, фу, вы, может, еще и целуетесь, гадость какая.

А нет. Мой самый главный козырь, та самая, которая спугнула мне уже троих непонравившихся ей мужиков – то просто своим неожиданным появлением, то просто слишком активной болтовней и демонстративным игнором – показывает Давиду, как рисует своих котов, рассказывает, как далеко сегодня на физре подала мяч в пионерболе. И...

Я ощущаю вкус смутного поражения...

Черт, кажется, я проиграла этому паразиту. Опять...

И если я хочу все-таки избавиться от этого паразита – мне нужен новый план...

11. ...и мат

Новый план. Легко сказать, а придумать – уже как-то не очень. И, поломав голову минут пять, я прихожу к мысли, что решу проблему просто. Словами.

Ну, наверняка Давид меня проводит до дому. А потом я уточню ему адрес, и он уже пойдет, наконец, на фиг. Вот и все. Язык-то мне на что?

Язык – это вообще очень полезный, универсальный инструмент: может довести куда хошь – сможет увести от кого и уходить-то не хошь.

И мы провожаемся.

Доедаем картошку фри, берем еще по стаканчику кофе “на дорожку” и без лишней спешки бредем в сторону моего дома.

И вот что угодно могу сейчас соврать, какую угодно моську скроить, но на душе у меня тепло. Тепло-тепло – вот так улыбаясь щуриться на склоняющееся к горизонту солнце. Наш обед затянулся и скатился уже к четырем часам.

Душевно подумались, ничего не скажешь. И грим этот... Еще не смытый, на щеках. Спасибо милостивой весне, ветер не злобствует, не сушит кожу.

И мальчик мой удивительный меня по-настоящему удивил сегодня. Всем. Замечательный он, на самом деле. Кому-то очень сильно с ним повезет. И я буду долго носить его шарф и вспоминать о том, что есть в этом мире одно уютное совершенство, которое умудрилось спрятать от меня свои изъяны. Обычно-то я их вижу.

Хотя, тут я могу легко их прикинуть, например, оценив внешние данные мальчика, можно предположить, что он довольно ветреный, ну, просто – девочки же наверняка много обращают на него внимание, вот он и избаловался. Ну, наверное. Доказательств у меня нет, а фантазия богатая. Ну... Презумпцию невиновности еще никто не отменял, так что будет мой Давид-Аполлон совершенством. Я буду в это верить, честно-пречестно.

Мой Аполлон идет рядышком, сцепившись со мной мизинцами. Алиска семенит рядышком, заткнула уши наушниками – подросток, все-таки, – и с дельной моськой слушает музыку. Или это она так надо мной смиростивилась? Типа: «так и быть, мамочка, поворкуй тут с этим своим «другом», ты же мне еще платье сшить должна»... Теперь, кажется, я ей буду должна, вот за это вот все.

– У вас тут закаты, должно быть, безумные... – Давид задумчиво смотрит на пустырь, вдоль которого мы идем.

– Да. – Я киваю. – Рисовала бы каждый, да на это жизни не хватит.

Там, в дальней дали, дымит трудолюбивая ТЭЦ, вьется змейкой дорожка к ней, окруженная деревьями. Мой взгляд цепляет белый бок крохотного, спускающегося куда-то на далекий аэродром самолета. Да, пейзаж у нас тут прекрасный, яркий. Контрастный. Сочетание нетронутой природы и эстетики индустриальности... Завораживает. Очень люблю зависать даже в собственное окно.

– Люди тебе интереснее?

– Если нужно выбирать – да, пожалуй, – я пожимаю плечами.

В свое время я предпочла не выбирать между пейзажами и людьми, я решила объединить это все. Авторская техника, авторский стиль... Нет, это не надоедает. Как есть тысячи разных закатов, и любой из них подходит только одному человеку, так есть и тысячи разных людей, с разным характером, так по-разному отражающих такие обычные явления.

Нет, бывает, я выпускаю какие-то иные, мелкие серии картин, для особых любителей моего искусства, чтобы помнили, я еще и авангардист немного, и модернист совсем чуточку, но... Две-три картины в год. Больше – попросту не купят. А то что не купят – какой смысл писать? Творец создает для людей, а значит, люди должны потреблять его творения.

Мы с Давидом болтаем о ерунде. Я это разрешаю и себе, и ему. Отшить-то я его еще успею, а вот поболтать с приятным мальчиком, который разбирается в искусстве – кто знает, когда мне доведется еще раз.

Когда мы уже подходим к дому – нам встречается моя маман, с пакетом в руках. Кажется, она ходила в магазин за молоком и хлебом. На наш грим мама смотрит милостиво. Алиска милосердно убегает вперед с бабушкой, разрешая мне постоять у двери собственного подъезда и пообниматься со своим неотстающим богом.

Напоследок.

Звучит грустно? Ну, так, слегка.

Мы наигрались, можно и по домам. Нужно сказать, справился мой Аполлон прекрасно, я буду вспоминать его исключительно положительно, он будет самый бравый и отважный воин из всех, что штурмовали мою крепость.

Боже, как давно я не обжималась с мальчиком у этой двери, у этого подъезда. Наверное, лет с восемнадцати, еще с самого первого моего кавалера, который уже хотел большего, хотел, чтобы я пригласила его внутрь, но не понимал, что у меня кодекс чести и “до свадьбы ни-ни”.

– Номер свой дай мне, – вкрадчиво шепчет Давид, напоминая мне о еще существующей волшебной реальности бытия рядом с ним.

В этом мире я еще с ним не разошлась, в то время как в своей вселенной уже смотрела ему вслед, промакивала слезы и клялась не забывать его до конца жизни.

Я склоняю голову, глядя в его дивные глазки.

– Так вот что тебе от меня нужно, малыш, а я-то думала, ради чего все это...

Он ко мне даже не шагает, он на меня падает. Обрушивается, как хищный зверь, стискивает в своих объятиях, будто очень хочет переломать мне ребра, вгрызается в мои губы с лютостью голодного тигра.

Тот случай, когда одно неосторожное движение во время поцелуя – и можно выбить зуб.

Ох, как же хорош этот стервец...

Такой весь из себя напористый, дикий... Истинный тайфун, не ведающий пощады.

Разрывая поцелуй, Давид прикусывает мне губу, даже слегка оттягивает её. Это неожиданно больно.

– Эй! – возмущенно шиплю я. Ну, должны же быть пределы у его наглости, да?

– За малыша. Я ведь сказал, чтобы ты так меня не называла, – нахально скалится Огудалов.

– Ай-яй-яй, какая я непослушная, – не могу, хохочу, уворачиваясь от его рта, а потом любя, по-девчоночьи кокетливо и легко, прижимаюсь губами к его скуле, оставляя на нем слабый отпечаток моей помады. Вот пока в зеркало не посмотрит нахаленок, и не увидит мою роспись на его лице.

Вырываюсь из его хватки, ускользаю к своей двери, быстро набираю код. А он – меня догоняет снова, накрывает мою ладонь на дверной ручке своей, заставляет замереть, обернуться и снова с головой окунуться в его сумасшедшие глазищи.

На самом деле, не будь у меня определенного свода правил, я бы, наверное, сейчас Давида пригласила зайти. Накормила бы ужином, порисовала бы на ночь, набросала эскиз уже “с натуры”, а после полуночи мы бы тоже нашли, чем заняться.

На самом деле – не сноси он мне крышу вот так вот сильно, да я бы, конечно, так и сделала. Но он сносит. До последнего осколка черепиц. Так что обойдется.

Мне нужно выдохнуть слегка. А то он как-то выбил меня из колеи всеми своими подвигами с посудомойкой и этой вот прогулкой в компании Лисы. После которой он все еще не торопится сбежать, даже, вон, характер показывает, кусается.

Я пропускаю тот момент, когда Давид, зажавший меня у двери, успевает расстегнуть мой плащ. И может, он сам меня от холода и защищает, но у него такие ледяные ладони, что я ощущаю это даже сквозь трикотаж платья.

Ну, да, почему бы еще не поцеловаться на прощанье?

И у него по-прежнему божественно сладкие губы, я будто пью мелкими глоточками вишневым ликер, пью, пью, но не останавливаюсь, именно поэтому земля под ногами с каждой секундой танцует все сильнее.

Эй, мне нельзя столько сладкого, я на диете!

– Так что там с номером? Диктуй уже, – настырно требует мой Аполлон. И каждый его жест, каждое движение можно высекать в камне, он того достоин. Черт, малыш, отпусти меня уже, я хочу к мольберту, к бумаге, рисовать и рисовать тебя, пока не сотрутся до кровавых мозолей пальцы.

– Ты ведь можешь его, как и мой адрес, достать у мамы, – практично замечаю я.

– Я уже взял, – отмахивается Давид. – Это совершенно не то. Ты сама должна дать.

– Это для тебя квест, что ли? – с интересом уточняю я. – И квестовый предмет может быть получен только у меня?

– Ну, можно и так сказать? – откликается Давид. А меня будто кружат в своем хороводе черти, которых я вижу в его глазах.

Головокружительно.

– Ничем не могу помочь, мой мальчик, – я гляжу на него и смеюсь. – Я тебе уже говорила, все, что после обмена телефонов, меня не интересует. За вечер спасибо, но мой номер ты не получишь.

Завтра, разумеется, День Рождения Огудаловой, и я о нем помню, и обижать свою покровительницу ни в коем случае не стану, и приду.

Мой мальчик ужасно забавен в этих своих попытках меня победить. Настолько, что я даже не говорю ему вслух, что на самом деле ему ничего не светит.

Даже позволяю себе намек, хотя, разумеется, это не всерьез. И можно было бы сказать “я не дам тебе номер сегодня – так попробуй получить его завтра”, но это будет заведомое обещание, а я не собираюсь ему сдаваться. Хотя завтрашний вечер я предвкушаю даже с учетом того, что ничего-то мальчику не светит, кроме пары коитусов. Еще бы прикинуть, примерно, где для этого будет и время, и место...

Но предвкушаю я уже сейчас. Когда я еще не выплелась из объятий своего божества.

И я правда буду ждать этой встречи с моим юным вдохновением, глядя на которое, мне так хочется никогда не отводить от него глаз. Идеальный натурщик, на самом деле. Наверное, пока не нарисую – и не успокоюсь вовсе... Может, все-таки предложить ему позирование? Хотя... Я помню, чем он просил оплату. Лучше нет. Он будет ждать отношений, а я их ему предлагать не буду. Не хочу. Даже с ним – не хочу. Задолбалась разочаровываться, если честно.

Осталось только напомнить себе, что завтра – будет в последний раз.

Последний, я сказала!

Вот только как выпутаться из его хватки? Как сейчас вынырнуть из его дивных глаз?

И оказывается, у Давида есть свои планы... И он мягко улыбается, перехватывает мои запястья, прижимает их к стене над моей головой. Мне мерещится прикосновение металла к моим запястьям. Что это? Часами задел?

– Хорошо, моя непокорная богиня, – вкрадчиво и опасно шепчет он. – Раз ты упрямилась, ответь мне на один вопрос. Алиса ведь сейчас с твоей мамой?

– Да.

Это настолько простой вопрос, выбивающийся из контекста нашего разговора, что я отвечаю по инерции, не успев сообразить – а зачем Давиду вообще меня об этом спрашивать.

Мама бы написала, если бы куда-то собралась, и вообще...

– Отлично, – прохладный металл все-таки касается моей кожи снова и...

Щелк.

Мои запястья оказываются скованы наручниками. Ну, или что это за штука, которая не дает мне развести руки?

А Давид смотрит на меня с видом: “Я тебя переиграл”.

– Я тебя похищаю, моя богиня, – с коварством истинного дьявола шепчет он.

Что за?..

12. И ходит королева

На чем мы остановились?

Ах, да.

– Я тебя похищаю, моя богиня, – многообещающе шепчет мне Давид.

Коварно, волнующе, почти с угрозой. Мурашки по моей коже бегут такие горячие и такие крупные, с двухрублевую монету примерно.

Ох, как Давид на меня смотрит, просто ар-р-р. Кажется, не хватило ему обеда. А я предлагала ему взять десерт? Кто сам виноват, что ушел голодным?

И вот смотрю я на него и начинаю тихонько хихикать. Сначала тоненько, отчаянно пытаюсь сдержаться, но это не остановить, плотину прорвало, и хихиканье становится уже полноценным хохотом, потому что... Ну нереально удержаться!

Мой дивный бог смотрит на меня и, кажется, пытается обидеться.

Бе-е-еденький.

Ну, к такому идиотизму его жизнь точно не готовила. Он тут меня пугает, наверное, ожидал, что я сейчас затрепещу, заору, в обморок шлепнусь или, может, коленом его двину в критически чувствительную мужскую точку, а я...

А я ржу как кобыла.

Черт, как не изысканно и не богемно так про себя говорить, но что поделать, если нет никакого изысканного названия для самки коня. Даже лошадь – не то.

О! Я ржу, как зебра. И изысканно, и экзотично.

– Малы-ы-ыш, – уже икая от смеха выдыхаю я. – Ты помнишь, что ты в гриме?

Да-да, в гриме адского клоуна Пеннивайза, мы же не стали это все смыывать, мы же решили, что будет забавно, если Давида в таком виде тормознет какой-нибудь гаишник.

И можете себе представить, насколько эпично звучало это его заявление в сочетании с клоунским гримом и наручниками? Хотя-я, возможно, даже слегка канонично, но все равно не страшно, все равно смешно.

Я ведь тоже “тигрица” все еще, потому что ну смешно же. Я не в том возрасте, чтобы заморачиваться расписанной аквагримом физиономией.

Ну смотрел на меня косовато прошедший мимо нашей парочки сосед снизу Сергей Петрович – так это потому что я крайне неожиданно целовалась с неопознанным мужчиной у подъезда. А Сергей Петровичу далеко за пятьдесят, даже не исключено, что уже немного и шестьдесят с хвостиком, и он бывший завуч советской школы, и для него это ужасно вызывающее поведение. Секс же еще в советском союзе отменили.

Не знаю, как при этом у Сергея Петровича двое детей и трое внуков. Почкованием, наверное, размножаются. Или партия сказала: “Надо поднимать демографии!” – и Сергей Петрович взял и поднял?

– Эй. – Мой Аполлон задолбался ждать, пока я возьму себя в руки и перестану хихикать. Мой мальчик делает мне нежный кусь за ухо, заставляя чуть сосредоточиться.

– А кто будет орать и отбиваться от маньяка и похитителя? Я вообще-то рассчитывал.

Наверное, если бы он выглядел обломанным – я бы в нем разочаровалась. А он угорает вместе со мной. Надо же. Вот за это, так и быть, сейчас я его малышом называть не буду.

– Ой, милы-ы-ый, – насмешливо тяну я. – А ты думаешь, тут кто-то прибежит меня спасать?

– Ну-у-у, дворник вон там, – Давид дергает подбородком в сторону дальнего подъезда, где скребет тротуар наша дворничиха Клавдия Ивановна, – и у неё лопата. Тяжелая, вроде.

– Да брось, – смеюсь я. – Она ж тебе поможет меня в багажник запихнуть. А потом прослезится и помашет вслед платочком, порадовавшись за мою наладившуюся личную жизнь. Знаешь, сколько лет они с моей мамочкой меня хотят замуж выдать?

– Я им выдам, – мрачно бурчит мой дивный Аполлон, а потом оглядывается и тянет меня за цепочку наручников на запястьях, увлекает к своей машине. Все-таки не передумал.

– Господин похититель, – я говорю это настолько жалобно, что даже сама себе не верю, а Станиславский бы меня вообще сжег за такую паршивую актерскую игру, – разрешите маме позвонить? А то она волноваться будет.

– В машине позвонишь, так и быть, – милостиво соглашается Давид.

– А у тебя в багажнике сеть хорошо берет?

– У меня в багажнике банка краски, антикварный смеситель и три рулона обоев. Прости, богиня моя, но ради тебя они двигаться не будут. Придется тебе поехать в салоне. – На этих словах Давид распахивает дверцу машины.

– Это не по канонам, – я капризно оттопыриваю губу. – Что за похищение такое? Рот кляпом не заткнул, в багажник не засунул. Никуда не годится.

– Эй, ты вообще жертва, и выпендриваешься? – Давид задирает свою дивную бровку. По ощущениям, он очень жалеет, что кляпа у него нет. А сам дурак. Надо было нормально в секс-шопе закупаться.

– А то, – я энергично киваю головой. – Я на тебя жалобу напишу в Ассоциацию Защиты Прав Жертв Неправильных Похищений. Они тебя засудят.

Я, наверное, дура, да? Тут абсолютно левый, почти незнакомый мужик творит какую-то дичь, а я по-прежнему... зебра, и по-прежнему ржу.

Но просто я интуитивно ощущаю, это все не всерьез. Мой кудрявый прелестник развлекается и креативит, а мне это забавно. Иначе я бы уже на него рывкнула и свинтила куда-нибудь в закат, например, к той же дворничихе. Шутки шутками, а будь угроза серьезная – баба Клава на помощь бы пришла. Она у нас тетка боевая.

Давид тянет меня к себе, прихватив за собственный шарф, снова целует.

И каждый его поцелуй – новый вкус моего совершенства. Сейчас – хмельной и медовый, насыщенный, как деревенская медовуха. Ох, какой же вкусный мальчик. Не напьешься им.

Интересно, у него когда-нибудь вкусы кончатся?

– Ты что-то с чем-то, Надя, – шепчет мое совершенство, а потом все-таки кивает мне, чтобы я села в машину.

Взаимно, мой сладкий, это у нас с тобой взаимно.

О том, вестись ли мне на все это, я еще пару секунд размышляю. Я ж домой собиралась, у меня там портрет недописанный, и что я завтра – недосохшую картину повезу?

А у моего Аполлона такие зачарованные и голодные глаза...

Ладно, черт с ним, так и быть – подарю ему этот вечер. Все равно – последний день у нас с ним будет завтра, так ведь?

В машину я сажусь. По королевски величественно опускаюсь в кресло рядом с водителем и опускаю скованные наручниками запястья на коленочки.

Давид же закрывает за мной дверь, огибают машину и ныряет за руль.

Глаза блестящие, кудри живописно растрепанные...

Нет, это ветер на улице, это не я ему волосы так бесстыже взъерошила, совсем нет. Клянись! Эй, почему вы мне не верите, а?

– А пристегиваться кто будет? – педантично интересуется моя дивная одержимость.

– Ты? – с ехидцей отвечаю я, а потом приподнимаю руки в наручниках с колен. – Господин похититель, имейте совесть, вы и так лишили меня права ехать в багажнике. И пристегиваться мне самой? Может, вы меня еще за руль посадите? Кто из нас кого похищает? Я вас? Так давайте расстегивайте мои кандалы и поменяемся местами.

– Да вот ещё, – Давид улыбается, а потом склоняется ко мне.

Да – чтобы пристегнуть меня ремнем безопасности, а еще чтобы попытаться меня ужалить очередным своим обжигающим поцелуем.

Попытаться – потому что я самым нахальным образом уворачиваясь от его губ. Потому что мой мальчик очень много о себе возомнил.

– Ох и нарываешься ты, Надя.

Опасно-то как мурлычет, ох-х. Была бы кошкой и свернулась в клубочек на его коленях, а лучше – прошлась бы когтями по его спине. Впрочем, это я еще могу и человеком проделать, благо в кои-то веки у меня ногти не под корень срезаны.

Расцарапать спину, бока, шею... Всего его, чтобы так и ходил после этого, вспоминая, с кем он связался.

– У тебя есть влажные салфетки, мой мальчик, или мы гаишников тоже гримом радовать будем?

Влажные салфетки находятся. И Давид сначала стирает грим с моего лица.

– А может, останешься тигрицей? – чуть улыбаясь спрашивает он.

– А что, мне для этого нужен грим? – не удерживаюсь от шпильки я. Ну не может же мой идеальный мальчик допустить, чтобы я вдруг так в себе усомнилась. Даже если я не усомнюсь – он-то этого не знает.

– Нет, тебе не нужен. – Я оказалась права. За это я позволяю ему поцеловать меня сейчас, когда он снова касается моих губ, снова – как озабоченный мальчишка, который не умеет держать при себе свой рот, и никак не насыщается поцелуями.

– Телефон мне из сумки достань, раз уж ты меня освобождать не хочешь, мой повелитель, – насмешливо прошу я, когда и сам Давид стирает со своего лица клоунский грим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.